

Александр Прозоров

В
е
с
т
н

Жребий брошен

Александр Дмитриевич Прозоров
Жребий брошен
Серия «Ведун», книга 10

<http://www.fenzin.org>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=133922

Жребий брошен: Лениздат, «Ленинград»; Санкт-Петербург; 2005

ISBN 5-289-02261-9

Аннотация

Чего меньше всего ожидал от своей судьбы ведун, так это того, что ему придется командовать армией оживших мертвецов. Но когда речь идет о свободе и справедливости – приходится полагаться на те силы, которые есть под рукой, а не рассуждать о связанных со страхом смерти предрассудках. Только силой смогут Любовод и Олег Середин вернуть отнятый у них товар и отомстить за гибель товарищей. Только так смогут найти дорогу домой и вернуться не нищими бродягами, а богатыми купцами.

Содержание

Подарок русалки	4
Медный страж	49
Смолевники	81
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Александр Проzorов

ЖРЕБИЙ БРОШЕН

Подарок русалки

Прекрасная пора – середина лета. Не нужно кутаться в тяжелые меха, тереть замерзающий нос, не приходится выть от голода, по какой-то причине оказавшись в лесу без припасов. Лето всегда прокормит путника грибами, ягодами да орехами, выстелет постель из мягкой травы, согреет солнечными лучами. А коли даже косоворотка и полотняные штаны слишком жаркими покажутся, или пояс с саблей вспотеть заставит – всегда можно в прохладной реке обмакнуться, пропитаться свежестью так, что потом на солнце поваляться только в удовольствие будет.

Хорошо летом. И как-то забывается о том, что по злой прихоти судьбы остался он беден, как церковная крыса, что все товары, которые купил на скопленное за несколько лет серебро, остались гнить на речном дне вместе с ладьями, а из доброй сотни славных крепких молодцев в живых остались только он с невольницей, беглый холоп Муромского князя да купец Любовод с одним из своих кормчих.

– Ну, да ладно, – негромко буркнул себе под нос Олег. – Начинал я свой путь таким же нищим. Да еще и не знал, куда

колдовством собственным заброшен. Не пропадем.

– Чего молвишь, друже? – поднял от воды курчавую голову Любовод.

– Спрашиваю, готово ли?

– Да, все уже, затянул, – вместо купца ответил с плота Ксандр, накручивая ивовые ветки на рогатину над грубо выстроганным веслом. – Подсохнуть бы им, да уж ладно. Ветвей по берегам много – коли что, подлатаем.

Плот по размерам лишь ненамного превосходил крохотную хозяйскую каморку на ладье. Несколько сосновых бревен, связанных вместе в два слоя, два весла – на корме и на носу, да брошенные поверх этого для мягкости охапки травы. Шедевром кораблестроения назвать это было нельзя – но многого от плота и не требовалось. Всего-то скатиться вниз по течению до Каспийского моря, которое в нынешние времена называли кто Хазарским, кто Персидским, да как-нибудь добраться до устья Волги. А там ладьи русские часто ходят. Кто-нибудь да подберет невезучих соотечественников. Ксандр утверждал, что плот этот путь выдержит, что впятером они с изделием своим управятся. А он кормчий, ему виднее.

Александр Коршунов дернул покрепче черенок ветки, заправил его под другие, попробовал, свободно ли ходит в импровизированной уключине выстроганное из березового стволика весло, облегченно выдохнул и перекрестился:

– Слава Богу. Кажись, управились. Весла есть, рогатины

стоят прочно, плот тоже, чую, не гуляет. Сделали, хозяин. Грузиться нам нечем, посему хоть сей час отправляться можем.

– Слыхал, ведун? – Любовод еще раз ополоснул лицо и выпрямился. – Плыть пора. А где девка твоя, холоп куды убег? Торопишь, а людишек не собрал.

– Урсула за мной шла, вот-вот нагонит. Ветки для веревок помогала резать. Видать, много набрала, не унести. – Середин сладко потянулся. – А Будута и вовсе не мой, а княжеский. Грибы, небось, собирает. Те самые, что мы все вместе кушать изволим. Так что не серчай на него. Чем больше соберет, тем дольше переход первый удастся сделать, пока брюхо не подведет.

– Разве ж я серчаю? – Купец поднялся выше на берег, уселся на траву возле ног Олега. – Ныне мы с ним ровней стали. Он уха куньего не стоит – да и я не больше. Меч дедовский да имя доброе – вот и все теперь мое богатство.

– Не грусти, друже, – опустил Середин рядом с ним. – Имя доброе и меч вострый тоже немало стоят. Помнишь, как меня первый раз встретил? Даже ложки у меня тогда не имелось. А нынешней весной ты меня сам же в сотоварищи взял. Пусть и не на равных, ан близок я стал с тобой, купцом потомственным. Ну, не повезло нам в сей раз. Ништо, года за два-три отобьем назад потери свои. Невозможно же все время барыши грести! Проигрывать тоже нужно уметь.

– Ты меня с собою не равняй, – болезненно поморщился

Любовод. — Ты колдун, твое богатство — в знании тайном, в травах собранных, в зельях хитрых. Пока голова твоя на плечах, то и сила всегда с тобой, и удача, и прибыль. А купцу серебро важнее головы и рук будет. Токмо серебром он хлеб свой промышляет, токмо ладья ему прибыль везет. Ныне же я и без мошны, и без ладей остался. Как дело делать стану, чем барыш добывать? С лотком по всеям феней ходить? А Зориславе что скажу, отцу ее? Они ведь с богатым купцом новгородским роднились, а не с голюй перекатной! Как любой своей в глаза гляну? Я ведь ей подарки дорогие обещал. Украшенья заморские, шелка китайские, золото-серебро. А ныне чем хвалиться стану? Травой морской да речною тиной?

— Ну, положим не совсем уж ты без штанов остался, — попытался утешить его ведун. — Я так понимаю, угол свой у тебя в Новгороде есть, да и отец в беде не бросит, нищенствовать не заставит.

— То-то и оно, что угол, — громко хмыкнул Любовод. — Угол свой, да дом отцовский. Мне, как купцу зажиточному, мужу взрослому, женатому, хоромы новые артельщики справиться обещались, двор обширный огородить, с амбарами да хлевами. Ну, и что теперича? Куда жену молодую вести, как в глаза людям смотреть? Улетал соколом гордым, а вернулся воробьем щипаным? В приказчиках на побегушках ходить да ждать, пока доля от отца останется? Да и оставит ли он долю в хозяйстве, коли добра беречь да приумножать не

умею... И-и-и-эх!

– Может, мать поможет? – понизил голос Середин, глядя в сторону Ксандра. Кормчий вполне мог и не знать, что мать купца – русалка. – Материнское сердце доброе – сжалится, поможет, чем сумеет. По рекам да омутам, по морям да отмелям добра много всякого лежит... Кстати, ты посылку русалочью сохранил? Ну, помнишь? Тот кусочек зеленого малахита, что я тебе из омута принес, когда сюда плыли? Ну, еще перед поворотом, перед самым устьем Урала? В смысле, реки этой?

– Да, точно... – Купец рывком поднялся. – Камень с ладонь размером. На нем руны какие-то были неведомые. Мы еще гадали, что он нам принести должен – удачу или хлопоты лишние?

– Он самый. – Ведун выпрямился рядом, отряхнул штаны. – Отдать бы его надо твоей матушке. Глядишь, в ответ спросить чего можно будет.

– Я так мыслю, нельзя нам отправляться, – начал нервно кусать губу купец. – Некуда. Чего матери скажу? Сберег, не сберег... Видать, отринулись от меня боги. И Похвист, и Стрибог, а уж Макошь и вовсе прогневалась. Ни отцу нельзя показаться, ни невесте любой, ни матери кровной.

– Ты о чем, Любовод? – не понял Середин.

– О посылке той, осколке каменном, – чуть не зарычал купец. – Не в кошеле же мне его носить, не за пазухой! Тяжел больно, неудобен, да и нужды не было.

– Ты яснее выразаться умеешь?

– Да уж чего яснее?! – передернул плечами Любовод. – Не держал я его при себе! В конуре моей он на ладье остался. В сундуке с серебром да прочим добром. Грамотами, списками, дозволениями. На дне ныне покоится. На дне!

– Дык... – кашлянул Олег. – Дык, достать, стало быть, нужно. Чего же ты молчал? О нищете плачешься, а про сундук с серебром молчишь.

– Ну, какое там серебро, – отмахнулся купец. – Растратились мы перед дорогой. Осталось несколько гривен на случай внезапной надобности, вот и все добро. Токмо как его достанешь?

– А чего не достать? – не понял ведун. – Медный воин, как я понимаю, ушел. Раз он нас убивать не стал, чего ему тут торчать? А уж у твоей ладьи – тем более. Лежит она на самой стремнине. Где утонула – кроме нас и медного воина, никто не знает, разграбить не могли. Эта чушка днище ладьи мечом пропорола. Стояла она на дне – стало быть, больше трех саженей глубина никак не будет. Достанем.

– Как? – Любовод, в свою очередь, оглянулся на кормчего, который продолжал колдовать с веслом, и понизил голос: – Здешние реки от наших далеко больно. Маму тут могут и не знать вовсе. Мыслью так, помощи у водяных, навок и русалок здешних мне не выпросить. Да и защиты тоже.

– А просто нырять ты никогда не пробовал? – укоризненно хмыкнул Середин.

– Зачем? – не понял купец. – Там же нежить по дну таится. А ну, попадешься? У нас многие из Волхова не vyplывают...

– Ладно, – прекращая пустой спор, махнул рукой Олег. – Я нырну. Если не больше трех саженей, то достану. А коли глубже... Ну, тогда думать станем. Размышлять.

– Ксандр! – окликнул кормчего Любовод. – Место, где Мамка утонула, ты приметил?

– А чего там примечать? – обернулся плечистый молодец. – Река одна, с русла никуда не денется.

– Значится, не запомнил, – понял купец.

Середина забывчивость кормчего ничуть не удивила. Когда тебя преследует по пятам неуязвимое чудовище, выкованное из красной меди, когда судно с пробитым дном уходит из-под ног, а течение захлестывает палубу, снося людей и припасы, – тут морякам, само собой, не до того, чтобы по сторонам приглядываться да приметы запоминать. Живым бы остаться...

– Плот не лодка, супротив течения не подымет, – невозможно сообщил кормчий. – Пешими идти придется. Да на себе опосля тащить, что найти сможем.

– Ништо, своя ноша не тянет, – отмахнулся купец. – Хоть чего бы спасти...

– Отстань, охальник! – совсем рядом, чуть не в самое ухо, выкрикнула Урсула.

От неожиданности Олег вздрогнул, а Любовод и вовсе присел, закрутив головой. Затрещали ветки, к берег сквозь

лещину продралась невольница, сжимающая перед собой охапку ивовых прутьев, сзади показался тощий, лохматый Будута. Завидев хозяина, девушка притормозила и закричала с новой силой:

– Куда руки тянет, охальник! Пока ты, господин, не видишь, он за задницу меня хватает, недоросль!

– Неправда сие, боярин! – обошел ее беглый холоп и стало видно, что обеими руками он держит за края подол рубахи, полный лисичек, подберезовиков и белых грибов. – Мне и прихватить-то ее нечем. Видать, веткой задело, а она и вопит.

– Не ври, подлая душонка! Нечто я ветки от пятерни не отличу?

– Да видишь же, заняты руки!

– Коли у тебя обе руки заняты, – поинтересовался ведун, – каким местом ты грибы собирал?

– Дык, боярин, пока собирал, одной рукой кое-как удерживал. А как невмоготу стало, обеими ухватил да назад пошел.

– Врет! – Урсула бросила прутья и провела ладонями по краям головы, поправляя выбившиеся золотистые пряди, потом одернула войлочную курточку, подтянула на талии завязки мягких свободных шаровар. – Лапал, охальник! Лапал!

– Нечто мне это надо – о пигалицу колоться? Да я стороной лучше пройду! – Холоп опустился на колени возле кост-

рища, в котором еще теплились несколько угольков, высыпал добычу на траву и начал торопливо подкладывать щечки. – Да я в Муроме во сто крат ее краше найду!

Рабыня вспыхнула, повернулась к Олегу, возмущенно хлопая ртом, как вытащенная на воздух рыба.

– Ты говори, да не заговаривайся, – заступился за девушку ведун. – Как бы в Муроме заместо красных девок тебя кат с клещами не встретил. Язычок слишком длинный не подкоротил.

– Че язык-то, че язык? – обиделся холоп. – Нетто я языком загулял? Ну, побродил малость без спросу. Может, плетей дадут. Али и простят. В походе-то на торков я как отличился. Рубился знатно, не бегал. Отчего язык резать?

Тут Будута был почти прав. За побег от клятвы князь Муромский вполне мог и запороть его насмерть – себе в утешение, другим для острастки. Мог и спрос на дыбе учинить, дабы возможных сообщников выведать. Мог загнать на какие-нибудь работы гнилые – уголь в лесных ямах пережигать, погреба сырые вычерпывать, ходы тайные копать. Холоп – это ведь не смерд вольный, не ремесленник слободской. Холоп за звонкое серебро добровольно свою душу и тело князю продает, а потому и спроса за него ни по «Правде», ни по совести никакого не будет. Хотя, с другой стороны – мог и помиловать. Вот только язык беглецу вырывать – и впрямь никакого резона. Он ведь речей зловредных не вел, князя не порочил, слов обидных не говорил.

Значит, и страдать должно не то место, которым Будута говорит, а то, которым думает. Седалище, то есть.

– Хватит трепаться, – отмахнулся Олег. – Перекусим давайте, плот припрячем, да вверх по реке пойдем. Если повезет, до ночи к ладье потонувшей выйдем. Ксандр, как мыслишь? Найдем до темноты?

– Нет, не найдем, – мотнул головой кормчий. – Вниз по течению два дня на веслах... Коли по прямой – так верст тридцать, не менее. А вдоль реки и вовсе дня два идти придется. Погорячился ты, ведун, про темноту...

Однако даже Александр Коршунов дал слишком оптимистичный прогноз: до места крушения первой ладьи путники добирались целых пять дней. Правда, и шли они не от рассвета до заката, как обычно в походе, а от силы по полдня. Слишком много времени уходило на поиски пропитания, на приготовление грибов и бесполезные попытки наесться лесными ягодами. К тому же, нехоженный берег – это не ямской тракт. Где кустарник на откосах так вырос, что вдоль него по пояс в воде пробираться надо; где излучина реки так холм подмыла, что омут прямо под многосаженным обрывом начинается, и приходится через верх холма, сквозь смородину и шиповник саблями и мечами путь прорубать. Лишь когда наступил пятый полдень, кормчий, чавкая по воде под низко склонившейся ивой, вдруг остановился и вытянул руку, указывая на противоположный берег:

– Смотрите!

– Что там? – подошел ближе Любовод.

– Вон, меж камней бревно ошкуренное лежит. Не иначе, мачта наша выглядывает, а? И место тут такое... Вроде как на то похожее.

– Если это оно, следы медного стража остаться должны, – напомнил Олег. – Иди, не задерживайся. И так все ноги промокли.

Путники двинулись дальше по направлению к отмели и уже через полсотни шагов наткнулись на просеку в ивовом кустарнике, проломанную от берега до берега. Местами гибкие ветви уже поднялись, закрывая брешь в своих рядах, местами, наоборот, засохли, переломанные и вдавленные во влажный песок огромной тяжестью.

– Ну, что теперь скажешь, ведун? – поинтересовался купец.

– Скажу, что все хорошо, нашли. – Середин прищурился на солнце. – Тогда вам задание: кустики здесь посечь, лагерь разбить да дрова приготовить, и побольше. Лето летом, но чуется мое сердце – продрогну я нынче до костей. Урсула, отвернись.

Невольница хмыкнула: можно подумать, она голым хозяином не видела! Но отвечать не стала, послушно отошла в кустарник и начала неторопливо надламывать ветки возле самых корней. Будута двинулся было за ней, но вдруг остановился, оглянулся на Олега и, повернув в другую сторону, тоже принялся расчищать место.

Ведун скинул рубаху, шаровары. Снял с ремня полный поясной набор: саблю, серебряную ложку в замшевом чехле, сумочку с несколькими монетками и туюсками с самыми необходимыми зельями, один из двух ножей. Опоясался снова. Ремень сразу стал непривычно легким – он уже не тянул вниз, а будто рвался кверху, как воздушный шарик. Середин потер тряпицу на левом запястье, проверяя, на месте ли примотанный к руке православный крестик, потом хлопнул друга по плечу:

– Тут меня подожди, Любовод, не отходи никуда. Мало ли что...

– Не бойся, Олег, не оставлю, – пообещал купец и тоже начал раздеваться. – Коли что, враз выручать кинусь.

– Это хорошо...

Ведун повернулся к реке, плавно вошел по песчаному берегу в воду – по колено, по пояс, потом оттолкнулся и сразу нырнул, не закрывая глаза и крутя головой во все стороны.

Несколько лет, проведенных в этом мире, приучили его к тому, что, стоит хоть ненадолго сунуться в воду – обязательно рядом появится какая-нибудь нежить, привлеченная теплом живого тела, светом человеческой ауры. Кто из водяных обитателей ласки и любви ищет, кто согреться хочет, кровушки горячей испив, а кто и душу из тела высосать не прочь, дармовой энергией напиться. Посему на глубине уши надобно держать остро. Разумеется, заговоры от водной нежити ему известны, знакомцы даже имеются среди хо-

лодного племени – но все равно, лучше не зевать. А то ведь в утопленники можно раньше перескочить, чем первое слово произнести успеешь.

Ведун проплыл несколько саженей вдоль самого дна, поглядывая по сторонам – однако хозяев реки не приметил. Он всплыл, нырнул снова, заскользил над перекатывающимся по дну крупнозернистым песком. Нет, никого. Ни шаловливых русалок, ни навок угрюмых, ни болотниц, ни даже мелкой какой нежити. И на глаза не попадаются, и крест у запястья не греется, присутствия магии не ощущает. Так оно, может, и спокойнее – но странно, очень странно. Это как озеро, в котором ни рыбка не плещется, ни комары по берегам не летают. Пусть и красивое – но воду из такого лучше не пить. И самому не следует купаться.

Середин устремился наверх, к поверхности, распугав стайку стремительных серебристых уклеек, вырвался на воздух, мотнул головой, вглядываясь в берега, и, уже не сильно беспокоясь за местные нравы, короткими саженками поплыл к застрявшему между камнями бревну. В крайнем случае, крест о приближении нежити предупредит, нечего голову раньше времени забивать.

Белый ствол, уходивший от крутого берега в глубину, и вправду оказался верхушкой мачты. Струйки прозрачной воды, играя пузырьками воздуха, перебирали привязанные чуть ниже поверхности веревки; крупные, торчащие в стороны, щепы указывали место, куда совсем недавно крепилась

рейка вперёдсмотрящего и блоки для поднятия балки с парусом. Вырвало, видать, от удара. Но, если веревки уцелели наверху, так, может, и внизу, у бортов, на своих местах привязаны остались?

Олег взялся за одну из них, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов и ринулся в глубину, быстро перебирая веревку руками. Погружение получилось стремительным – почти мгновенно заболели барабанные перепонки, защипало в носу и в глазах. Зато он легко добрался до судна, упокоившегося аккурат на самой стремнине, посередине реки, на глубине метра в четыре. С борта ладьи мелко дрожащая от волн поверхность казалась совсем рядом, ведун даже различил силуэт стоящего на берегу Любова.

Отпустив веревку и цепляясь за борт, ведун пробрался на корму, увидел капитанскую хибарку, благополучно уцелевшую несмотря на катастрофу – но тут грудь начала гореть, и он, отпустив штыри для щитов, устремился вверх. Громко фыркая, отдышался, вернулся к камням. Вынул нож, срезал у верха одну из веревок, снова нырнул, перебирая по ней руками, добрался до борта, обрезал внизу, всплыл. Отделив от мачты вторую веревку, он привязал к ней первую и, крепко ухватив зубами, переплыл реку. Протянул конец купцу:

– Держи, друг, – а сам устало рухнул на песок.
– Что там? Как? Что это за конец? Ты нашел ладью?
– Нашел, – перевернулся на спину ведун. – Дай отдышаться. До нее что отсюда, что оттуда нырять одинаково. Но по

веревке быстрее получится. Сейчас, согреюсь немного, да голова гудеть перестанет. Тогда и осмотрюсь внизу подробнее. Ты, кстати, как дверь в каморку свою запираешь?

– Засов там обычный. Иногда я замок вешал, но токмо в портах. Ныне открыто должно быть.

– Сейчас, проверю... – Ведун нагреб себе на грудь немного теплого, прокаленного летним полуденным солнцем песка и закрыл глаза.

– Как же ты проверишь, если спишь, Олег?

– Не шуми. Я же не подводная лодка, чтобы сутками под водой сидеть. Дай продышаться.

– Дыши, дыши, друже, – дозволил купец. – А сундук с камнем, как войдешь, по правую руку вторым, поперек стоит. Ручки у него еще по бокам. Там свитки внутри, списки, грамоты. Не так серебро дорого, как они. За каждую полную цену платил, все новые, с поправками от купцов, в дальние края ходивших. На дне, в тряпицу завернутое, зеркало схоронено. То, что в подарок Зориславе готовил. Коли добудешь, хоть не так стыдно вертаться будет. Сам, может, и бос, да подношения драгоценные. Его спутать трудно, сундук этот. У всех рукояти большие и обычные, а у этого вычурные, и размером он меньше...

– Да иду, иду, – сломался Середин. Поднялся, стряхнул песок, забрал у Любовода веревку, сделал несколько глубоких вдохов и нырнул, быстро перебирая руками «путеводную нить».

Спустя секунд пятнадцать он оказался у борта ладьи, прошел по ней руками, увидел запертую дверь хозяйской каморки и... Воздух в легких кончился, пришлось всплывать.

– Ух, – вырвавшись на поверхность, фыркнул Олег, крутанулся и понял, что в его тактике необходимо что-то немедленно менять. Во-первых, веревка с берега, по которой так удобно было добираться до затонувшей ладьи, вела не в то место. Лишние десять шагов вдоль борта не оставляли ему времени и воздуха для обследования каморки. Во-вторых, по этой веревке было удобно добираться сюда с берега – но вот отсюда, с поверхности, куда он выскакивал за воздухом, опускаться обратно в глубину получалось не так-то просто. А в-третьих, мешало течение, что уносило его с совершенно ненужной старательностью.

– Эй, колдун! Ты куда?!

– Сам бы поплавал, – буркнул себе под нос Середин и стремительными саженками поплыл к берегу. – Что за место такое проклятое? Никакой нежити! Хочу русалку. Обычную, синюю от холода и голода русалку. Поцелуй русалки – и я бы спокойно сидел под водой, пока все до ящика наверх не перетаскаю. Да и Любовод по-родственному наверняка бы договорился... Так нет, когда нужны – даже анчутка ни один не появляется.

Выбравшись на сушу, Олег забрался по камням к могучим соснам, нашел под одной из них крупный сук толщиной в две руки, уже сухой, как порох, вернулся к мачте. Войдя в

воду, срезал еще одну веревку, привязал ветку к ней, отпустил. Вода радостно зашипела, подхватывая деревяшку, вынесла на стремнину, и там сосновый сук запрыгал, то ныряя под воду, то снова выскакивая на поверхность.

– Ладно, посмотрим, что получилось на этот раз...

Ведун кинулся в реку, в несколько гребков доплыл до валежины, хватанул ртом воздух, после чего быстро ушел в глубину, пользуясь привязанной к ней веревкой – и опять оказался примерно на середине ладьи, только у другого борта. Однако на этот раз у него еще оставался в легких воздух. Олег торопливо резанул свою веревку, прошел вдоль борта до надстройки, зацепил конец за штырь для щитов, наспех сделал один узел – и устремился вверх. Второй нырок ушел на то, чтобы привязать веревку попрочнее.

У Олега появился соблазн сразу сунуться в запертую дверь дощатой хибарки, но он удержался, потратил еще три нырка на то, чтобы перевязать на новое место длинную веревку – ту, что с берега, – после чего доплыл до ожидающего на песочке купца и опять растянулся у его ног, на этот раз действительно без сил.

– Малину будешь? – поинтересовался Любовод. – Невольница твоя принесла. Сладкая, крупная.

– Мяса хочу, – тяжело дыша, ответил ведун. – Много. Согласен даже на сырое.

– Можем съесть холопа, – невозмутимо предложил купец. – Он, конечно, тощий, но на пару дней хватит.

– Не, – отказался Середин. – Как мяса, его всего на один раз хватит. А как гребца – до самой Руси. Пусть живет.

– Тогда жуй малину. – Купец сунул ему свернутый кульком лист лопуха.

Ведун сел, вытряхнул в ладонь горсть ягод, переправил в рот.

Когда он был маленьким и учился в школе, учительница утверждала, что по калорийности грибы ничуть не уступают мясу. В далеком двадцать первом веке проверить ее утверждение на практике Середину не довелось, но теперь он в очередной раз понял, что теория и практика – это две очень большие разницы. Когда нужно таскать бревна, нырять на три метра или рубить сосны – от грибной диеты только сильнее голод чувствуешь. А ягоды и вовсе лишь брюхо набивают. Пять минут прошло – и опять есть охота.

Кулек поместился в семь горстей. Вытряхнув себе в рот последнюю малинину, Олег откинул лопух, вытер о песок руки, взялся за веревку и опять пошел в воду.

Глубокий вдох – на этот раз за четверть минуты он добрался как раз до каюты, успел ощупать дверь, найти затвор, рвануть его – и тут же взметнулся наверх.

Хватанул воздуха, позволил течению протащить себя несколько метров, поймал обмотанный пеньковым концом сук, нырнул снова, рванул створку на себя. В первый миг возникло сопротивление, но тут же дверца, преодолевая сопротивление воды, мягко пошла вперед, и наружу нетороп-

ливо, словно деревенский поп, выплыл гладкий белый череп, лениво перекатываясь с боку на бок.

«Кому-то не повезло... — понял ведун. — Оказался в неудачном месте в плохой момент... Вот что происходит с людьми, когда их не успевает прибрать к скользким лапам водяная нежить. Рыбки речные даром что беззащитными кажутся — а обглодают человека не хуже собачьей стаи».

Гадать, кто это мог быть, жалеть несчастного не оставалось ни времени, ни сил, ни воздуха. Середин опять рванулся наверх, зацепился за сук и несколько минут отдыхал, пытаясь перевести дух. Голова гудела, будто он выпил жбан хмельного меда, глаза словно кололо крохотными иголочками, из носа противно вытекала попавшая в него вода. Без привычки в воде долго не побарахтаешься. Чай, не перина. Но делать нечего — надо.

Гипервентиляция теперь почти не помогала. Еще погружаясь вниз, ведун чувствовал удушье. Силы были на исходе. Зато дверь в каморку он уже открыл. Оставалось только заглянуть внутрь... И обнаружить, что никакого «сундука справа» нет. Во время крушения в помещении все перевернулось вверх дном. Сундуки, ковры, посуда, бочонки оказались свалены в одну большую кучу. Видимость на глубине была где-то на две вытянутые руки. Олег различил какую-то рукоять, ухватил, рванул — она не поддавалась, — бросил и устремился наверх, жадно заглотил воздух.

— Ну, как там, колдун, нашел? — закричал с берега Любо-

вод.

– Тебя бы сюда, – буркнул себе под нос Середин. Сил кричать в голос не осталось. Однако и возвращаться с пустыми руками тоже было бы обидно. – Ладно, последний раз...

Он снова метнулся в глубину, ухватил идущую с берега веревку, двумя движениями распустил узел – хорошо, наскоро вязал, – дернулся в дверь хибарки, продел конец под найденную рукоять, опять затянул на «удавку», толкнулся ногами, устремляясь вверх.

– Ну, чего?! – опять закричал купец.

– Тяни... – прохрипел Олег.

Однако Любовод расслышал, ухватился за свой конец веревки, потянул... Перехватил поудобнее, поднатужился... Сын русалки был настоящим новгородским удалцом: рослый, плечистый. Ничего удивительного, что веревка пошла, и сундук вылез на песок практически одновременно с ведущим.

– Не тот, – разочарованно покачал головой купец. – В этом рухлядь моя лежала всякая. Ныне, мыслю, попортилась. Столько ден в воде!

– В следующий раз порядок наводи, прежде чем тонуть. – Середин поднялся выше на берег и упал на траву. – Или сундуки к полу приворачивай. Ты бы хоть костер запалил. Протрог я что-то.

– Это дело недолгое, – похлопал по крышке сундука Любовод. – Дрова приготовлены, осталось токмо искру на бе-

ресту высечь.

– Ну, так высеки!

– А ты больше не поплывешь, друже?

– Коли русалки не появятся, – мотнул головой ведун, – то на сегодня хватит. Мне только утонуть, как кутенку, не хватает.

Однако день тянулся не спеша, а ласковое тепло огня, заваренные в кожаной фляге листья брусники да две горсти лисичек вернули ведуну силы намного быстрее, нежели тот ожидал. Под настроение Олег взял конец веревки в зубы, оставив второй в руках купца, доплыл до пляшущего на течении сука, нырнул к каморке, торопливо пошарил рукой среди груды вещей, нашел окованный угол какого-то из сундуков, скользнул ладонью по боковой стенке, продел веревку под нащупанную рукоять. Сдерживаясь из последних сил, затянул узел, метнулся наверх и махнул другу:

– Тяни!

И опять к тому времени, пока он добрался до песка, новгородец успел подтянуть сюда же добытое добро. Опять разочарованно вздохнул:

– Не то, друже. Струмент это плотницкий. Ладью подлатать, коли беда какая случится... – Любовод откинул крышку, опрокинул сундук, выливая воду, и на землю вывалились стамески, киянки, молоток, гвозди, желтые с белыми пятнами комья смолы, рубанок, долото, полотна для пилы. – Подсушить надобно. Глядишь, и сгодится еще. Опять же, руко-

яти мастера и так вымачивать изредка советуют. А железо, оно быстро не гниет.

– Ладно, попробую еще...

Ведун опять взял конец и выплыл на стремнину. Нырнул, знакомым путем направляясь в хозяйскую каморку. Здесь его ждал неприятный сюрприз: в самой конуре и перед ней в воде висела белая муть. Как будто вытаскиваемым сундуком мешок с мукой разорвало, или с манкой, или еще с чем. К счастью, Олег рыбой не был и этой гадостью не дышал. Он сунулся внутрь, разыскивая нужный сундук на ощупь, но ничего не добился – рванул назад, на поверхность, перевел дух. Болели плечи, гудела голова, кожа казалось какой-то рыхлой, словно размокшая глина.

– Теперь понятно, отчего ныряльщики за жемчугом дольше тридцати не живут.

Середин резко вдохнул, опять ушел в глубину. Заплыл в каморку и, не мудрствуя лукаво, принялся выбрасывать все подряд за дверь: чего теперь беречь-то? Воздух быстро кончился. Ведун вынырнул, отдышался, снова ушел вниз, опять наверх. Сундук удалось нащупать только после шестого погружения. С огромным облегчением Олег зацепил рукоять на его крышке веревкой, завязал, выскочил наверх и махнул рукой:

– Тяни!

На этот раз Любовод успел вытянуть добычу куда раньше, нежели его сотоварищ добрался до суши, с нежностью по-

гладил крышку:

– Он самый, хороший мой. Казна купеческая... Новгородец поковырял замок, откинул крышку, громко выругался и опрокинул свое сокровище рядом с плотницким инструментом. На песок хлынул сизый чернильный поток. Видать, и письменные припасы у хозяина вытекли, и драгоценные грамоты-списки растеклись. Поползшие к воде свитки и пергаменты Любовод и не пытался остановить – понял, что спасать уже нечего. Он перегнулся через верх сундука, пошарил рукой в оставшемся на месте содержимом, извлек продолговатый зеленый камень:

– Вот он, нашелся! – Купец отбежал к реке, тщательно прополоскал каменный осколок, сунул его за пазуху: – Теперича не пропадет! – Любовод оглянулся на Олега, лежащего без сил на траве, окликнул: – Слышал, друже? Нашел я подарок русалочий.

– Меня сегодня больше не кантовать, – прошептал Середин. – Почему, когда по два-три часа купаешься, то совсем не устаешь? А за час работы в той же воде трупом себя чувствовать начинаешь?

– Устал, друже? – подошел ближе купец.

– Не так громко... У меня голова, как колокол. Каждое слово раз десять по черепушке из стороны в сторону отскакивает.

– Нашел я камень русалочий, – шепотом повторил Любовод. – И зеркало чудное, что для любой своей отложил. Ох,

драгоценное же сокровище! На вес золота цену спросить – так и то продешевишь.

Олег промолчал.

– Зеркала, они же на меди сделаны, – ласково напомнил купец и нервно подергал себя за бородку. – Че меди в воде речной за десяток дней сдеется? Опять же, каждое в тряпицу завернуто. Стало быть, не поцарапается, не попортится по-глупому. А, колдун?

Середин продолжал молчать, уронив голову на ладони. Любовод недовольно хмыкнул, почесал в затылке, вкрадчи-во продолжил:

– Я и уложил их удобненько. Вдоль бортов, промеж ребер корабельных. Дабы на глаза никому зря не попадались, а достать при нужде враз можно было...

– А сам ты туда сплавать не хочешь? – Олег перевернулся и сел, опершись на руки.

– Я бы сплавал, друже, да неопытен в сем искусстве. Сам ведаешь, берегли меня от воды. Коли с матерью надобно встретиться, то она выручает, а самому плавать боязно. Не умею.

Середин опять не ответил. Но на этот раз совсем по другой причине. Взгляд его упал на сохнувшие инструменты, на бронзовые гвозди непривычного квадратного сечения и молоток. И в памяти шелохнулся один из заговоров, которые Ворон почему-то называл «новомодными». Хотя теперь понятно было, почему. Что его учителю какие-то триста-четы-

реста лет? Ветер...

– Я же не о себе одном забочусь! – вдруг возмутился Любовод. – Забыл, друже, что компаньон ты мой, сотоварищ? И товар весь этот на наше общее серебро поменян! Всего не спасешь, так хоть зеркала увезти надобно. Ну же, колдун, ты чего? Нечто серебро свое вернуть не хочешь?

– А? – оглянулся на него ведун, отмахнулся: – Нет, сегодня не полезу. Все, устал. И голова от гипервентиляции гудит.

– Нечто я тебя гоню? – с видимым облегчением хмыкнул новгородец. – Отдыхай друже, Будута сей миг еще грибов принесет. Запечем на углях. Жалко, соль из мешочка всю вымыло, и перец тоже. Ну, да потом насолимся. Че нам ныне дни считать? Одним боле, одним мене – уже ничто не поменяешь. Как зеркала добудем, так и тронемся. За них сам-пять, сам-десять прибыток все едино выйдет. По миру с сидором тощим не пойдем. Ладьи, само собой, жалко, да товар в трюмах все едино дороже. Толику малую спасти, и то ладно. Суденышек с таким прибытком пару новых купим, и на хлеб с маслом останется. Как мыслишь, колдун? Удачу еще раз в деле торговом попытаешь?

– Ты сперва с этим управься, – не выдержал Середин. – Зеркала медные, тяжелые. В трюме их штук тридцать, коли не более. Как потащим?

– Че тащить? На плот кинем, река сама довезет.

– А до плота их как доставить?

— А я уже придумал, — похвастался купец. — В сундуки сунем. Рухлядь гнилую повыкидываем, а зеркала положим. Коли только до половины загрузить, не хуже лодки сундуки поплывут, токмо поспевай за ними, да подправляй, чтобы на берег не выкинуло.

— Проще два бревна кинуть, связать, да самим сверху сесть и сундуки поставить.

— И то верно, — всплеснул руками Любовод. — Веревок-то у нас ныне в достатке! Так отчего и не связать? Ох, умен ты, колдун, ох, хитер...

* * *

Олег думал, что труднее всего будет снять под водой в одиночку тяжеленную крышку трюма, закрытую вдобавок промасленной парусиной. Но все оказалось донельзя просто. Стоило ведуну, поднырнув к судну, срезать две веревки на углах — как крышка вдруг сама прыгнула вверх, из-под нее вырвался гигантский воздушный пузырь, который не просто освободил лаз в грузовое нутро ладьи, но еще и выкинул наружу огромное количество ковров, мехов, обуви, одежды, что было награблено в трех ка-имских городах. Трюм опустел почти полностью, и найти в нем ровные прямоугольники завернутых в полотно зеркал труда уже не составило.

Вот только извлечь сокровище оказалось намного сложнее, нежели предполагалось. Хотя каждое из медных зеркал

весило всего килограмма три или чуть более, форма у них была крайне неудобной: плоский прямоугольник в локоть шириной и два длиной По-пробуй с таким грузом поплавай! Поступить с ними, как с сундуками, было невозможно – на зеркалах не имелось ручек, чтобы привязать веревку. Обвязывать же медные прямоугольники крест-накрест Олег просто не успевал – воздуха не хватало.

Первый день был растрочен на бесплодные попытки вытянуть на берег зеркала. На второй Ксандр придумал веревочное кольцо с деревянным сучком. Кольцом с привязанной к нему веревкой надлежало обхватить медную пластину через углы, сучок использовался вместо крючка. Конструкция казалась очень хлипкой, и поэтому зеркала следовали к берегу не сами по себе, а в сопровождении ведуна: Олег держался за веревку и на протяжении всего пути следил, чтобы драгоценная добыча не выскользнула из петли.

За каждым из зеркал приходилось плавать отдельно, ради каждого – нырять три раза: чтобы найти, чтобы обвязать и чтобы сопроводить от трюма до берега. Непривычный к подводным работам, Середин выдыхался быстро, и поэтому за второй день смог достать только двенадцать покрытых амальгамой медных листов, на третий – десять, на четвертый – опять десять, и только на пятый день работ последние четыре зеркала были доставлены на берег.

В завершение ведун в несколько попыток тщательно обшарил трюм. Там еще оставались суздальские клинки, киев-

ские мечи с драгоценными рукоятями, какие-то бочонки, тяжелые, не всплывающие узлы неизвестно с чем – но зеркал не нашлось ни одного. Поколебавшись, Олег прихватил один из бочонков: зря, что ли, нырял? Обмотал веревкой, зацепил сучком и поплыл к берегу, удерживая его перед собой.

– Хозяин, ты глянь! – обрадовался кормчий, увидев добычу. – Мед хмельной! Вот те крест, мед!

– Значит, и отметим заодно, – перевел дух Середин. – Все, нет там больше ничего!

– Оружия жалко, – с тоской поглядел на реку Любовод. – Столько серебра за него отдано было.

– Имей совесть, друже. – Олег скинул ремень и начал одеваться. – Чтобы все забрать, новую ладью строить придется. Самое ценное спасли, и то хорошо. И за то Сварогу поклон глубокий.

– Выпить надобно за него, хозяин. За милость Сварога, да за сотоварища твоего... – предложил Ксандр, видимо, забыв на время, что является христианином. – Теперича не с пустыми руками вернемся. Прибытка большого не получим, но и разор стороной минует. А, хозяин?

Купец осмотрел зеркала, расставленные в кустарнике под сохнувшими на ветвях тряпицами, решительно махнул рукой:

– Меда не выпить, коли он есть, грех будет. Открывай!

Кормчий довольно хмыкнул, поставил бочонок на землю, резким ударом кулака вбил одну из верхних досок внутрь. Наружу немедленно полезла пена. Молодец, не давая драго-

ценной влаге стекать на песок, вскинул емкость и принялся пить большими глотками. Оторвался он от бочонка лишь минуты через три – Олег как раз успел вернуть на ремень саблю, сумку, ложку и опоясаться.

– Эх, хорош медок. Никак, стояночный?¹

– Вареный с собой не больно-то повозишь. – Купец забрал у него бочонок, громко забулькал хмельным напитком. Спустя минуту, довольно крякнув, передал угощение подошедшему ведуну.

– Ну, за успешное окончание моих купаний, – произнес немудреный тост Середин и тоже прильнул к емкости. Правда, живот у Олега оказался не столь объемистым, сколь у бывалых путешественников, и уже через десяток глотков он вернул мед Александру.

– Теперича лишь бы до дому доплыть без напастей, – в свою очередь провозгласил кормчий. – А там как-нибудь поднимемся.

Он отпил – на этот раз уже не так много, – передал бочонок хозяину, размашисто перекрестился, вытянул нательный крестик и с искренней благодарностью поцеловал:

– Милостив Господь, велики деяния его.

– Токмо не бог твой распятый греческий нас из нищеты вытянул, – не удержавшись, напомнил Любовод, – а колдун

---

¹ Мед на Руси разделялся на вареный и стояночный. Первый, соответственно, варился подобно пиву, а второй долго, несколько месяцев, выдерживался в прохладном месте в состоянии естественного брожения и ценился заметно выше.

русский, друг мой.

– Без божьей воли волос с головы человеческой не упадет, – парировал Ксандр.

Купец ответить не смог: снежно-белая пена сползала у него с бороды, а кадык прыгал вверх-вниз, пропуская в зажатое широким поясом брюхо драгоценную жидкость.

– Коли все по его воле, – вступился за исконных богов Середин, – стало быть, и зло тоже с его ведома и желания творится.

– Веру он испытывает человеческую, совесть и помыслы, – степенно пояснил кормчий. – Коли пред искусствами устоял, то и дорога тебе в царствие небесное открылась. А коли нет – то в аду гореть станешь. Ради земного греха будешь вечностью расплачиваться.

И опять заявленный постулат оказался без ответа, поскольку мед перешел к ведуну, а реальное угощение показалось Середину куда большей ценностью, нежели никчемные схоластические споры.

Затрещали кусты, к костру выбрался Будута, вывалил собранные грибы, свернул к мужчинам:

– Я вот... На обед, мыслю, хватит...

– Ладно, глотни маленько, – разрешил ему ведун, и холоп с готовностью ухватился за бочонок.

– О, опять ветки трещат, – утирая усы, рассмеялся Любод. – Видать, невольница твоя торопится. И как учуять все исхитрились, что тут хмелем пахнуло?

– Господин! – придерживая в руке кулек из лопуха, выскочила на песок Урсула. – Господин, там кони ржут!

– Где? – сразу посерьезнел купец. – Много? Далеко? А ну, братки, давайте быстро товар собирать. Опосля полотно просушим...

И, первым бросившись к зеркалам, стал снимать с веток тряпицы, заворачивать в них добычу и укладывать в сундуки. Ксандр поспешил следом.

– Може, тракт тут какой недалече? – помялся Будута. – Може, едет кто просто?

– Ты тут хоть одну дорогу или тропу видел, пока мы плот вязали али от медного чудища бегали? – оглянулся на него Любовод. – Товар собирай, давай, не стой! Може, уйти успеем, пока не заметили...

Девушка сунула кулек с малиной Олегу, тоже побежала на помощь.

– Костер залить надо... – предложил было Середин. – Дым ведь идет.

– Нет!!! – испугался купец. – От воды такой дымина поднимется, слепой углядит! А так, защити нас Макошь, может, и обойдется.

Ладно...

Ведун набил полный рот ягод, наскоро прожевал, проглотил, снова набил. После третьего захода малина закончилась – Олег отбросил лопух и тоже пошел заворачивать покрытые серебряной амальгамой медные листы, аккуратно расклады-

вая их в сундуки – один из-под рухляди, другой из-под грамот с тем, что в будущем станут называть лоциями. Сундук с плотницким инструментом оставили нетронутым. Мужчины еще помнили, как строили плот почти голыми руками – с помощью только мечей и ножей. Второй раз, случись какая неприятность, никому так же надрываться не хотелось.

На все хлопоты ушло всего минут десять. К тому времени, когда кустарник начал с жалобным хрустом ложиться под копыта коней, весь товар был уже запрятан в надежные сундуки с окованными железом углами и прочными замками на крышках.

Воинов оказалось девять – обычный боевой дозор. Если, конечно, забыть, что никаких войн в здешних землях, как уверяли местные жители, отродясь не велось, да и дорог или даже тропинок для конных или пеших путников окрест за минувшие десять дней замечено не было. Девять бойцов. Бездеспешных – одетых всего лишь в толстые куртки из сыромятной бычьей кожи поверх полотняных рубах, да и то расстегнутые на боках, чтобы летняя жара не слишком парила, с копьями на коротких ратовищах, лишь на полторы сажени над головами всадников выглядывающих. Ребята явно не сталкивались с реальным сопротивлением минимум несколько лет и не слышали про военное дело никогда в жизни.

– Это кто же вы такие, и почто в каимских землях бродите? – строго спросил один из дозорных, поглядывая с высоты

седла на костер среди кустарника, на вытоптаный берег и составленные бок о бок сундуки.

Пока Олег соображал, удастся выдать себя за местных или не удастся – как глаза ни отводи и зубы ни заговаривай, все едино ни про селения, ни про обычаи местные они почти ничего не знают, – Любовод выступил вперед и низко поклонился:

– Торговыми людьми мы будем, мил человек. Плыли сюда с добрым товаром, да злые духи лишили кормчего разума, отвернул он со стремнины речной к берегу каменистому, да на камни струг мой славный посадил. Потонул и товар, и люди мои. Осталась лишь толика малая.

– Э-э, кгм, – крикнул Ксандр, но вовремя сдержался.

– Как же вы выбрались? – Старший дозора, курчавый, веснушчатый и рыжеволосый, спешил, а следом за ним на землю сошли, оставив копья у седла, еще четверо воинов. – Не вижу я ныне ни лодок с судна вашего, ни сотоварищей ваших погибших, ни добра. Ужели в столь тихом месте все река унесла?

– Лодок у нас и не было отродясь на струге, – понурил голову купец. – Сотоварищи, кто не выплыл, в водах остались. А что до добра – так что на палубе стояло, то выбросить за борт и успели. Вот, три сундука всего.

– Вижу, давно стоите, – покосился на догорающий костер каимский воин. – Ужели ничего более спасти не смогли?

Двое из верховых двинулись вперед и заняли проход меж-

ду людьми и огнем. Копья свои они перехватили в руки, но пока не опускали.

– Дык, как спасешь, мил человек? – пожал плечами Любовод. – Нечто отнимешь у водяного, что он себе прибрать захотел?

– Чего же он вам оставил, добрые люди? – никак не осаживал своего любопытства старший. – Может, вестника к Раджафу снарядить надобно? Великий правитель издавна зарок дал, что никому на водах страны нашей от стихии али баловства нежити водяной даже малого вреда причинено не будет.

– Правителя тревожить ни к чему, мил человек, – отмахнулся купец. – Сегодня прибыток, завтра убыток. Дело торговое. Управимся как-нибудь...

– Так чего же вам река наша оставила? – продолжал упорствовать в своем вопросе старший дозора, и четверо воинов его, что уже положили ладони на рукояти мечей, побуждали дать ответ хранителю порядка в здешнем пограничье.

Любовод кивнул кормчему, тот подошел к сундуку с инструментом, откинул крышку. Затем, с преувеличенной небрежностью, распахнул соседний сундук:

– Да вот, сами полюбуйтесь. Здесь тряпье вымокшее, рухлядь всякая. А здесь струмент корабельный, плотницкий. Для ремонта, что в дороге случиться может. Мыслим, пригодится долбленку для дороги обратной вырубать.

Дозорный подошел ближе, покивал. Его воины, рассла-

бившись, отпустили мечи. Старший наклонился, поднял долото, покрутил в руках, кинул обратно и подобрал рубанок. Похоже, плотницкий инструмент был для него в диковинку.

– Может, медку выпьете? – предложил кормчий, поднял с земли бочонок и сделал несколько глотков, показывая, что угощает не отравой.

– Раджафу всемогущему вам челом бить надобно, – не обратил внимание на его предложение старший. – Может статья, коли нежить в реках баловать начала, он вам за товар погибший и струг заплатит.

– А разве нежить речная у него в подчинении? – переглянулся с Любоводом ведун. – Отчего правитель ваш за нее ответ держит?

– Не так вы поняли, гости торговые. – Старший откинул край тряпки в сундуке с медными листами. – Враждовал Раджаф с речными тварями, да и перебил всех до единой. Коли опять появились – стало быть, снова перебьет.

Купец побледнел, рука его потянулась к оружию.

– Священные зеркала!!! – Старший дозора отпрыгнул назад, рванул свой клинок: – Взять их! Это воры! Тати!

– Проклятье!

Засверкала на ярком солнце сталь, всадники дружно опустили копья, пока оставаясь на месте. Мужчины замерли друг напротив друга, готовые к схватке.

– Стойте, безумцы! – вскинул руку старший дозора. – Коли вы прольете хоть каплю нашей крови, страж Раджафа

проснется и придет за вашими жизнями! И тогда никто не сможет его остановить. Ни я, ни вы, ни даже сам Раджаф. Бросьте оружие, пока на вас нет крови, и вы останетесь живы.

Путники замерли. Воспоминание о медном воине, который шел за ними по пятам несколько дней подряд, не отдыхая ни днем, ни ночью, не останавливаясь ни перед скалами, ни перед болотами; который при каждой заминке во время бегства убивал всех, до кого мог дотянуться, оставаясь неуязвимым и для стрел, и для мечей, и для копий; который убивал, пока не истребил до последнего, всех, кто участвовал в разграблении каимских городов, – это все еще слишком яркое воспоминание заставило людей нерешительно переглянуться.

Будута хмыкнул носом и первым бросил свой меч. Следом, выругавшись, кинул оружие Ксандр, за ним Любовод.

– Вот так-то вернее будет, – кивнул старший. – Ребята, руки им вяжите. А ты чего тянешь?

Последние слова относились к Середину. Ведун, так и не успевший обнажить оружие, расстегнул пояс, сложил его пополам, прихватив левой рукой и толстую кожу ремня, и ножны, взялся ладонью за рукоять сабли, чуть выдвинул клинок. Склонил голову, прочитав нанесенную крестообразно гравировку: «Аз есмь».

– Дай сюда, – сделав шаг навстречу, потребовал старший. – Давай, не дури.

Воины дозора, сняв с седел веревки, уже разматывали волосяные арканы, готовясь спутать пленников, и Олег вдруг с внезапной ясностью вспомнил, что все это в его жизни уже было: путы на руках, серьга раба в ухе, железный ошейник. Было – и не понравилось.

– Русские не сдаются, – тихо произнес он, со щелчком вогнав клинок обратно в ножны.

– Что? – не понял старший.

– Не сдаются русские!

Ведун с силой рванул саблю из ножен. Огололье рукояти с чавкающим стуком врезалось дозорному в лоб, и тот, раскинув руки, полетел на спину. Середин отпустил пояс с ножнами, стремительно рубанул ближнего воина поперек груди, и тут же, через бок – второго, что стоял слева. Секундное замешательство среди врагов закончилось – все, кроме раненого в грудь, ринулись на Олега. А вот раненый, заорав дурным голосом, кинулся наутек. Почему – непонятно. Толстую кожу ратной куртки, больше похожей на кирасу, прорубить не так просто, а потому самое страшное, что мог получить дозорный – это глубокий порез. Скорее всего, клинок даже до ребер не достал. Однако бедолага очень удачно оказался на пути у двух всадников, и, пока они там разбирались, Середин повернулся влево, поймал на саблю клинок четвертого воина, откинул в сторону – и тут на голову дозорного обрушился сзади меч Любовода. Ксандр тоже успел поднять с травы оружие и рубился со случившимся перед ним дозор-

ным. Чуть дальше Будута со злобным воем повис у одного из всадников на руке с копьем, явно сваливая того с седла.

Те всадники, что стояли напротив ведуна, наконец обехали воющего бедолагу, нацелились на Олега пиками. Середин метнулся влево вперед, прикрываясь одним всадником от другого, отбил укол – с места тяжелым копьем быстрого удара не нанесешь, – обратным движением рубанул коня поперек морды. Несчастный скакун поднялся на дыбы, опрокидывая своего всадника на соседнего, и ведун получил мгновение, чтобы оглянуться. Дозорный, что был ранен в бок, скрючился в луже крови, поверх него распластались еще двое. Будута своего всадника из седла так выдернул и теперь исступленно колот мечом. Любовод и кормчий наседали на другого.

Когда Середин повернулся обратно, то увидел дозорного с мечом. Видать, всаднику пришлось-таки покинуть седло. Из-под лошадиной туши слышались стоны второго, придавленного воина.

– Сдавайтесь, тати! – грозно заорал каимец.

– Совсем сдурел? – рассмеялся Олег. – Доспех лучше застегни, мешаться будет.

– А-а-а!!! – вскинув меч над головой, кинулся на него дозорный.

Ведун начал медленно поднимать саблю, делая вид, что намерен удар парировать, но в последний момент резко качнулся вправо и сверху вниз полосонул противника по откры-

тому телу:

– Говорил же тебе, застегнись...

Старший дозора, хрипя, перевернулся на живот и на четвереньках поспешил в кустарник. Олег, не отвлекаясь на безопасного врага, побежал на помощь Ксандру и купцу – но те уже снимали истекающего кровью воина с седла.

– Все?

– Кажись, да, колдун, – оглянулся на него Любовод. – Чегой-то хлипкие тут совсем дружинники. Не насмерть рубятся, а словно в шутку балуют.

– Будешь тут хлипким, когда многие поколения ни с кем воевать не приходилось, – пожал плечами ведун. – Похоже, слишком уж они на своего медного стража надеются. Никак не ожидали, что мы биться станем. Думали, лапки покорно сложим и руки под веревки подставим.

– Как же мы теперь с ним, со стражем медным? – поднял глаза на Олега купец. – Погонится ведь. И пока не убьет, не отстанет. А, колдун?

– Коней ловите... – посоветовал Середин. – Коли боишься, чего же за меч взялся? Трусил бы сейчас у седла хозяйского и в ус не дул.

– Ты же сам кричал, что не сдаются русские, – возразил Любовод. – От и схватился. Нехорошо, когда наших вяжут. Однако же ныне и про стража подумать не грех. Жить-то и на свободе хочется.

– Поживем.

Ведун огляделся. Лагерь, еще недавно чистый и аккуратный, был залит кровью. Пятеро каимских дозорных и одна лошадь лежали мертвые, еще четыре скакуна стояли в кустарнике – остальные убежали.

– Будута, сумки чересседельные обшарь, может, соль найдешь. Устал я уже пресное жрать. Урсула, огонь разведи. Ксандр, давай мяска парного отрежем. Хоть и конина, но после двух десятков дней на одной траве и она слаще поросенка молочного покажется.

– Какое мясо?! – повысил голос купец. – Ты про медного стража скажи, колдун. С ним как поступать мыслишь?

– А никак, – отмахнулся Олег. – Ты вспомни, когда он в прошлый раз появился. Твои людишки три города разорить успели, по два дня стояли у каждого, да еще путь-дорога. Где-то только на седьмой день он до нас добрался. Думаю, и сюда раньше не заявится. Так что и поесть успеем спокойно, и в дорогу мяса подкоптить. Верхом до плота за день доедем – это не свои ноги топтать. А там сундуки погрузим, да и поплывем. Река, она хоть и не заколдованная, а тоже без устали трудится. Коли на ночь не останавливаться, до моря медному стражу нас не нагнать. Плавать он не умеет, значит, на глубине тоже не достанет. Не дотянется со дна. Потом ладью, опять же, найдем... Пусть гонится. Мы до Руси останавливаться не собираемся. А там... Неужели ты, Любовод, в родных местах хорошую яму-ловушку для гостя дорогого приготовить не сможешь, али охотников не соберешь, чтобы се-

тью этого истукана запутать, толпой наброситься и завалить?

– И то верно! – посветлел лицом новгородец, хлопнул Олега по плечу: – Ну, хитер ты, колдун. Ой, хитер! Хорошо, не князь...

– А как я их? Как?! – Будута, тяжело дыша, припал к бочонку, сделал несколько глотков. – Видели, какие это богатыри были? А я одного за копьё – р-раз! И улетел сразу с коня, токмо и видели. Второго – р-раз! И на земле, одним ударом. А третьего...

– У тебя с математикой как в детстве было? – поинтересовался Середин. – Возле тебя всего два всадника стояли. И то одного кормчий с купцом завалили.

– Да то... – Холоп торопливо отпил ещё немного. – Да то опосля... А начинал я, когда их ещё много было. Вы тогда ещё в мою сторону не смотрели.

Он опять припал к бочонку, допивая остатки меда.

– Грязно тут теперича, колдун, – глядя на бочонок, сказал Любодов. – Чего в грязи пировать? Давай разделаем лошадку, да к плоту поскачем. Там и перекусим, и закоптим мяска в дорогу.

– Тоже верно, – кивнул ведун, поднял свой ремень, опоясался, спрятал саблю и выдернул нож. – Но хоть по ломтю, а зажарить надо. Не скакать же целый день голодными?

В этот раз Олег снова ошибся: обратный путь до плота занял на лошадях не один, а два дня. Пробиваться через заросли верхом было ничуть не легче, нежели пешком, хотя ко-

ни двигались, конечно, заметно ходче, да и следить за рекой путникам теперь не требовалось. Зато впервые за многие дни люди смогли нормально поесть и отдохнуть – в седельных сумках нашлись и огниво, и соль с перцем, и котелки для каши, и крупа, и подстилки для сна. Учитывая обстоятельства, такие немудреные удобства показались всем верхом блаженства. Ну и, конечно, мясо. Ешь, сколько хочешь, от пуза. О будущем можно не думать – конскую тушу все равно не сохранить. Так что, чем больше слопаешь – тем меньше пропадет.

Два дня пути, еще один день – на заготовку припасов. Мясо нарезали на длинные полоски и часть коптили в густом горячем дыму от зеленых осиновых веточек, часть натирали солью. Путники старались сделать все возможное, чтобы в пути не понадобилось сходить на берег. Набив мешки, Ксандр отпустил трофейных коней, с явной тоской глядя на уходящие в лес мясные туши, но... Ни времени, ни места на плоту больше не оставалось. На трети после схватки у затонувшей ладьи сумерки путники сошли на чуть покачивающийся плот и позволили ему отойти от берега.

– Подсобишь, колдун? – поинтересовался кормчий. – Поутру Любовода и холопа к веслам поставим. Опыта у хозяина моего меньше, но днем и править проще будет. Так сможешь?

– Не вопрос. Делать-то что нужно?

– Как скомандую: «Помогай», – гребь туда же, куда и я.

Скомандую: «Крути», – гребни в обратную сторону. Понял?

– А чего тут не понять?

– Тогда помогай...

Ксандр навалился на весло, сделал гребок, еще. Олег, стараясь попасть в его ритм, тоже сделал несколько сильных гребков. Плот бочком, бочком, как нашкодивший подросток, выбрался на стремнину и, постепенно разгоняясь, покатился вниз мимо лесистых берегов.

– Ну, ладно, друга, – раскатав трофейную подстилку, вытянулся вдоль левого края Любовод. – Вы смотрите, а я покамест вздремну. Тяжело в темноте с набитым-то брюхом.

– Ну, и я пока покемарю, – передернул плечами Будута и принялся укладываться с другого края. Приподнял голову: – Иди ко мне, Урсула. Теплее вдвоем-то будет.

Невольница даже не посмотрела в сторону беглого холопа и предпочла усесться у ног ведуна, слегка облокотившись на его колено. Река начала плавно отворачивать влево. Кормчий пару раз гребнул, поворачивая нос немудреного суденышка туда же, однако инерция продолжала упрямо нести плот по прямой, к обрыву на противоположном берегу.

– Подмогни, – негромко попросил Ксандр. Вместе они несколькими гребками удержались на стремнине, и отпущенные весла снова погрузились в темную воду.

Урсула зевнула, тряхнула головой, но через несколько минут обмякла и свернулась калачиком у ног Олега. Середин накрыл ее своей многострадальной косухой, снова встал к

веслу. Ночь окончательно вступила в свои права: темнота сгустилась до такой степени, что исчезла граница между берегом и водой, между кронами деревьев и чернотой звездного неба. Правда, одна подсказка осталась – на берегу не дрожали на волнах отраженные звезды.

– Закрути, – негромко попросил Ксандр и после двух гребков поправился: – А теперь помоги.

Послышался еле слышный плеск, звезды по сторонам смялись, словно нарисованные на бумаге, но почти сразу вернулись на свои места, прыгая с волны на волну.

– Как ты тут чего-то видишь, Ксандр? – удивился Середин.

– Привык, – тихо ответил тот. – Ночью по рекам плавать опасно, но иногда приходится. Как и ныне. Оттого без мастерства ночного пути никто человека за кормчего не признает.

– Не видно же ничего!

– Ну и что? Где волна о берег плеснется, где вода о камень выпирающий зашипит, где эхо отзовется, где лягушка голос с мели подаст. Так и плывешь. Коли без поспешности, то и не страшно совсем.

– Какая уж тут поспешность... – согласился ведун, положив ладонь на рукоять весла. – Как несет, так и несет.

Летняя ночь была теплой. Даже здесь, на воде, в одной рубашке и тонких, хотя и шерстяных, шароварах Середин чувствовал себя в полном удовольствии, нарушить которое не

могли даже редкие порывы ветра. Казалось, воздух прогрелся до температуры тела, а потому стал совершенно неосязаемым. Лес пах теплой сосновой смолой, сонно повякивали какие-то пичуги. Олег все больше ловил себя на коварной расслабленности: будто он отправился в поход с пионерским отрядом и плывет сейчас по безопасной окультуренной речушке от одной стоянки к другой, а не спасается от страшного смертоносного чудовища, порожденного магией и мастерством неплохих, в общем-то, здешних металлургов.

– Подсоби, опять поворачивает.

Середин послушно заработал веслом, удерживая суденышко на стремнине, но необычно крутой поворот реки завершился быстро, и опять наступил покой.

Неожиданно мир вокруг начал потихоньку светлеть. Олег даже подумал, что наступает рассвет, но это оказался всего лишь полумесяц, после полного мрака показавшийся ослепительным, как галогеновая лампа. Теперь на реке стало и вовсе светло. Проступили высокие кустарники на берегах, мертвенной белизной проявились листья кувшинок и остролистника. Теперь и вовсе опасаться стало нечего.

Медный страж

Казалось, ведун всего на миг закрыл глаза, а невольница уже затрясла его за плечо: – Смотри, смотри, господин...

– Что, уже вечер? – недовольно буркнул Олег. Вставать на ночную вахту ему пока еще совсем не хотелось.

– Торки, господин.

Последние слова заставили ведуна мгновенно забыть про сон и усесться на подстилке:

– Где?

Полусотня всадников, горяча коней, крутилась на взгорке, мимо которого струилась река. Разумеется, это были не торки – но вооружение имели легкое, как у степняков. Только щиты, мечи да пики в два роста. Воины в кожаных кирасах не сводили глаз с плота, однако атаковать по какой-то причине опасались.

– Плавать, наверное, не умеют, – предположил Середин, зачерпнул воды, ополоснул лицо, прищурился на солнце: – Ну вот, до полудня еще куча времени, а меня уже подняли. Ты хоть помнишь, несчастная, что я всю ночь у штурвала простоял?

– Так ведь торки, господин!

– Да хоть гоплиты афинские! – отмахнулся ведун. – Видит око, да зуб неймет. Река широкая, глубокая, быстрая. Не всякий в такую сунуться решится. Так что не бойся. Из раз-

ных мы миров – у нас своя дорога, у них своя.

Словно услышав его слова, полусотня сорвалась с места и помчалась куда-то за лес. Олег же потянулся к мешку с мясом, достал себе копченый ломоть. Коли уж все равно разбудили, нужно хоть подкрепиться. Время, как-никак, обеденное...

– Смотрите, вон они! – указал вперед Будута.

За пологой речной излучиной, на изумрудно-зеленом наволоке гарцевали все те же всадники. Чуть погодя они начали спешиваться, оставляя пики у седел. Скидывая тяжелые куртки, воины раскрывали саадаки, доставали луки, пучки стрел и выстраивались вдоль берега. По команде воина с алым петушиным пером на остроконечном шлеме все разом наложили стрелы на тетиву...

– Проклятье! – Сунув мясо целиком в рот, ведун схватил невольницу в охапку и сиганул за борт, утягивая ее в глубину. Девушка билась, но справиться с сильными мужскими руками не могла.

По воде прокатился дробный стук, перемежаемый столь же частым плеском. Олег, продолжая тянуть Урсулу за собой, рванул вверх, всплыл в сажени от плота, тут же дернулся к нему, под прикрытие толстых сосновых бревен, перевел дух и принялся торопливо пережевывать мясо.

– Все целы? – поинтересовался откуда-то невидимый Любовод.

– В меня, чую, не попали, – отозвался кормчий.

– И в меня, в меня тоже промазали! – порадовал всех Буда.

– А колдун где? Эй, друже! Олег, слышишь?!

– Он, я видел, первым с рабыней выскочить смекнул, – сообщил Ксандр. – Ужели утонул?

– Здесь мы, – наконец догадалась откликнуться Урсула, – у плота.

– А колдун отчего молчит? Поранен, что ли?

– Да цел я, – прочавкал Середин. – Не дадут поесть спокойно. То стреляют, то разговаривать требуют.

– Ну, ты и горазд жрать, друже, – облегченно засмеялся купец. – Мне ныне кусок в горло не лезет.

– Не выплевывать же из-за каждого лучника, – проглотив изрядный шмат, отшутился ведун. – Этак и с голоду помереть недолго.

– Вот голода нам менее всего опасаться надобно, – сообщил Ксандр. – Тут излучина. Нас аккурат к их берегу сносит. Скоро возьмут, как кутят мокрых, за шкирятник.

Олег, не чувствуя вкуса, проглотил остатки копчености, резко толкнулся от воды ногами и выглянул над палубой. Плот теперь походил на плывущего ежика – утыканный стрелами так, что ногу поставить некуда. Воины на берегу выжидали, положив стрелы на тетивы луков. Только покажись – вмиг усеют, как борону зубьями.

– Так оттягивать плот надобно, Ксандр, – предложил ведун, опустившись обратно в воду. – На стремнине удержи-

вать. Глядишь, и отстанут, как заросли густые на берегу начнутся.

– Я уже пытаюсь, колдун. Да сил не хватает. Тяжелый плот больно Токмо веслом и сдвинешь.

Середин попытался работать ногами, вытягивая немудрое судно на себя, но никакого эффекта не ощутил. Плот как плыл по прямой, медленно смещаясь со стремнины к врагу, так и продолжал плыть.

– Похоже, боги совсем забыли про нас в последние месяцы, – сплюнул он, оставив бесполезные попытки. – Или, может, не замечают в столь дальних землях? И-эх, где наша не пропадала!

Он рывком вскинулся вверх почти до пояса, лег на бревно животом, дотянулся до ручки ближнего сундука, рванул к себе. С берега закричали, тут же затренькали тетивы, но прежде, чем на многострадальный плот обрушился новый дождь из стрел, ведун успел уйти назад в воду. Сундук, из крышки и боков которого торчало два десятка оперенных палочек, полупогрузившись в реку, закачался рядом с Олегом.

– Ты чего это там затеял, колдун? – не понял купец, переместившийся из-за кормы к борту.

– Там еще два на палубе стоят, – напомнил ведун. – Так что давайте спасать свои шкуры. Урсула, сюда. Держись сбоку за ручку.

Середин оттолкнулся от плота, заработал ногами и, пряча

голову от стрел за сундук и за него же удерживаясь на поверхности, поплыл к безопасному берегу. Невольница, почему-то постоянно макаясь по самый лоб и поминутно отплевываясь, держалась рядом. Со стороны воинов слышались крики, вскоре рядом с сундуком начали падать стрелы, сам обитый железными уголками ящик несколько раз гулко отозвался на прямые попадания – и на этом все кончилось. Каимцы осознали тщету своих стараний, а стрелы – они ведь тоже денег стоят. В поле их еще собрать можно, а из реки назад не вернешь. Ведун даже рискнул выглянуть из-за уголка – и увидел, что Любовод с Будутой гребут следом, прикрываясь большим сундуком из-под рухляди, а чуть дальше, прячась за небольшой сундучок из-под казны, отступал кормчий.

– Кажется, ушли, – облегченно вздохнул Олег. – Вот только ушли опять пешими.

Путники выбрались на сушу в трех сотнях сажений ниже по течению, за новой излучиной. Воины их не преследовали. Либо смирились с поражением, либо ниже наволока берег оказался подтоплен и хода туда не было.

– Ладноть... – Купец заглянул в один сундук, в другой. – Ладноть, зеркала целы. Стало быть, не пропадем пока, разор не грозит.

– Ага... – Олег открыл сундук с плотницким инструментом, сунул за пояс топор, в поясную сумку высыпал десяток гвоздей. – Но только ты сундуки пока спрячь в приметном

месте. А серебро оставшееся с собой заberi. Урсула, вот, веревки тут конец остался, вокруг пояса обмотай, может пригодиться. Будута! Выдерни десяток стрел, да с собой забирай...

– Зачем прятать? – не понял Любовод. – Новый плот отстроим да дальше поплывем. Ныне у нас и инструмент есть, и веревки пеньковые прочные. За пару ден управимся.

– Вот именно, – кивнул ведун. – А про медного стража ты забыл?

– О боги... – Купец побледнел. – И вправду забыл. Как же мы теперь?

– Уходить нужно. Драпать. Улепетывать со всех ног. А там посмотрим.

– Боги мои, боги... Это же страж колдовской. От него никому спасения не будет, – в смертной тоске запричитал Любовод. – Все мы тут сгинем, никого не останется... Ксандр, подсоби сундуки к холму вынести. Как бы половодьем не унесло, коли до весны не обернемся. Там, вроде, береза повалена. К ней под корни схоронить можно. Ствол отпилим, корни на место в яму лягут. Ох, пропадем мы все, ох, пропадем. Будута, не стой! Малый сундук возьми, он легче. Нагоняй давай.

Мужчины с двумя сундуками двинулись вверх по начинающемуся от самого берега склону, из которого тут и там выпирали покрытые густым зеленым мхом скальные уступы.

– Давай-ка, красавица, инструмент следом отнесем, – опу-

стив крышку, предложил невольнице Олег. – Будет жалко, коли пропадет. Авось, пригодится.

Чем выше путники взбирались наверх, тем меньше у них под ногами оставалось земли. Вывернутая ветром береза, которую углядел еще снизу Любовод, как оказалось, вымахала в пол-обхвата, сидючи в щели меж гранитных глыб шириной в локоть. Да, видать, великовата стала для такой опоры, не удержалась.

– Сюда сундуки не влезут, хозяин, – опутив свою ношу, отер пот со лба кормчий. – Может, просто ветвями закидать? Кто тут ходить, высматривать станет? Места дикие.

– Макошь бережет береженных... – мотнул головой купец. – А ну, погоня по следу ринется? Давай лучше нору какую поищем.

Нору обнаружить не удалось, но уже через минуту поисков холоп нашел в скалах щель в полтора роста глубиной и полсажени в ширину. Такой тайник Любовода вполне устроил – на дно опустили все три сундука, сверху накидали камней и толстый слой собранной чуть ниже по склону хвои и березовых листьев.

– Ну, – похлопал ладонью о ладонь новгородец. – Куда теперь? Медное чудище, небось, неподалеку уже.

– Може, к реке пойдем? – осторожно предложил Будута. – Тута, вон, камень на камне, все ноги переломаешь. А там вроде как путь ровный.

– Ровный для нас, ровный и для чудища, – рубанул ладо-

нью воздух Ксандр. – Мыслю, на север бежать надобно. Коли не догонит медное страшилище, на иные реки набредем, что на закат текут. Здесь, ежели помните, ни единого притока с левой руки не случилось. Стало быть, реки, что с севера, в иные земли текут, в сторону Руси нашей. По ним до дома и доплывем.

– Так там пути-то неведомые, – напомнил, выбравшись из ямы, холоп. – А здесь уж известные, не заплутаем.

– И нам известны, и дозорам местным тоже, – хмыкнул Олег. – Наскочим на ту полусотню, что реку нам перекрыла – что делать станем?

– Ну, как-нибудь...

– Да он сдаться хочет и не мучиться! – вдруг сообразил кормчий. – Ты, что же, дурья башка, мыслишь, защищать они тебя от стража станут? Забыл, чего дозорный перед сечью молвил? Не в силах они медного стража остановить. Придет он в лагерь ратный, да и зарежет тебя при всех, никто мешать не станет. Вестимо, потому они и не погнались за нами. С плота лишь согнали, дабы мы уйти от погони не смогли, а остальное чудищу доделывать оставили, прости Господи... – Александр истово перекрестился несколько раз подряд.

– Сварог, батюшка, что же ты меня от душегубства не оборонил? – запоздало раскаялся холоп. – Как же допустил, чтобы я человека убил по глупости и злобе своей?

– Скоро узнаешь, ратник, – с усмешкой хлопнул его по

плечу Любовод. – Как за Калинов мост, через реку Смородину в мир мертвых перейдешь, так там все и расспросишь.

– Ладно... – Олег открыл свою сумку, заглянул внутрь. – Соль я на этот раз прихватил, две фляги с водой запас, в сундуке были. На пару дней хватит, а там наверняка ручей найдем. Не в Сахаре. Котелок где?

– У меня... – Кормчий повернулся: медная полусфера прилегала к его спине. – И огниво тоже есть.

– Тогда не пропадем. Пошли!

Скалы, среди которых они запрятали ценный товар, выступали как раз из вершины холма. Путники быстрым шагом двинулись вниз в ту сторону, с которой стволы деревьев больше обросли мохом. И опять – чем ниже, тем меньше выпирало серых остrokонечных камней, тем мягче пружинила под ногами земля и гуще становился лес. Поначалу сосновый, он постепенно сменился березняком, в котором то и дело встречались могучие ясени. В самой низине воздух стал тяжелым от густой влажности, одежда намокла, по спине покатились крупные капли пота. Если со всех сторон на людей не наседали комары, то, скорее всего, потому, что их крылья были круглые сутки слишком мокрыми для полета.

Олег с каждым шагом ожидал, что земля под ногами закачается, и они окажутся в центре обширной топи – но нет, часа через четыре березняк поредел, уступая место вековым необхватным соснам. Затем тут и там стали вылезать на поверхность крупные валуны, становясь все монументальнее,

сливаясь в массивы из буровато-серой, с кварцевыми прожилками породы, которые приходилось обходить, забираясь все выше и выше.

Наконец деревья сдались, оставшись внизу, и путники вышли на самую вершину отрога. Позади, насколько хватало глаз, расстилалось зеленое море, плавно колышущееся под порывами ветра; впереди, среди точно такого же моря, повсюду виднелись скалистые острова, местами настолько высокие, что задевали вершинами облака. Справа вдалеке, верстах в двадцати, чуть не на самом горизонте, белой прерывистой линией тянулась горная гряда. Уже настоящая, плотная, без дураков. Такую без альпинистской подготовки не одолеть. Разве только тропы тайные знаючи – но тут лишь местные подсказать могут. А они, судя по всему, иноземцев не очень-то жалуют.

– В общем, по правую руку нам делать нечего, – сделал вывод Олег. – Нам там просто не пройти. Сзади и слева река, каимские земли. Там нам разве только стрелу словить удастся. Остается один путь. Вперед.

Возражений не последовало, и ведун стал спускаться вниз, цепляясь за острые выемки и трещинки на скале. К счастью, до гладкой стены отрогу было далеко – спуститься удалось без помощи веревки и даже без особого риска. Еще полчаса прыганья по камням и петляния по расселинам – и запыхавшиеся путники опять ступили под сосновые кроны.

– А ведь истукан медный, он усталости не ведает, – за-

чем-то напомнил Будута. – И ночью тоже шагать станет. А вона, вечереет уже.

– Это точно, – признал Любовод. – Не пора ли привал делать, колдун? Все ноги уж истоптали.

– Да бросьте вы, и десяти верст еще не прошли. До заката еще две-три отмахать успеем.

– Ты нас с собой не ровняй, – тяжело привалился к дереву Ксандр. – Это ты всю жизнь по дорогам бродишь, а мы более привычны на палубе стоять, али веслами помахивать. Что хочешь делай, колдун, а ноги не держат. Леший с ним, с чудищем. Пусть приходит, не могу более.

Будута и невольница выглядели куда бодрее. Однако что это могло изменить? Разве только одно...

– Урсула, и ты, прохвост вольнолюбивый, давайте хворост собирать, пока светло. – Олег полез в сумку за кресалом. – Я пока моха сухого поищу да огонь запалю. Коли убежать не можем, нужно хоть караулить по очереди. Чтобы сонными в лапы монстра не попасться, если уж догонит. Любовод, Ксандр, отдыхайте, перед рассветом сторожить будете. А я первым присмотрю...

Темнота сгустилась с неожиданной быстротой – Олег совсем забыл, что находится в тени горного гребня. Пусть и невысокого – но дающего вполне реальную длинную тень. К счастью, к этому времени скромный костерок уже горел, а неподалеку лежала груда хвороста в половину человеческого роста высотой.

– Давай, Будута, отдыхай, – разрешил ведун, когда понял, что в ночном лесу все равно не разглядеть ничего на расстоянии вытянутой руки. – Отдыхай, тебя следующим подниму. И ты, Урсула, ложись.

Холоп не заставил упрасивать себя лишний раз и втиснулся на постеленный поверх земли лапник между Любоводом и Александром, девушка же пристроилась рядом с Серединым. Молча уселась рядом, обхватив руками колени и глядя на огонь. Олег тоже молчал, прислушиваясь к лесу вокруг.

– Ты ведь сделал меня своей женщиной, господин, – где-то спустя полчаса вдруг нарушила тишину Урсула. – Раньше ты сказывал, что продашь меня нетронутой за изрядную цену, что получишь себе прибыль, а меня отдашь в руки хорошего хозяина, в богатый дом. Но все же ты сделал меня своей, господин!

Она откинула голову, скосив глаза на Середина, и улыбнулась.

– Ты сделал меня своей, и я счастлива. Теперь я стану твоей навсегда.

Это было правдой. Не то, разумеется, что она станет частью Олега до гробовой доски, а то, что девочка стала его женщиной. Теперь ведун и сам не очень понимал, как это случилось, но тогда, на каменной площадке, возле которой под слоем мха он потом нашел малахитовое изображение какого-то древнего бога, – тогда Урсула казалась столь желан-

ной, столь прекрасной и неповторимой, такой потрясающей, как никогда ранее. Наверное, из-за восторженной эйфории после ухода медного стража. Ведь все они уже считали себя мертвецами, жертвами мести охранника здешних земель. И вдруг – остались в живых!

– Ты была восхитительна, девочка моя, – искренне вздохнул Олег.

– Но с тех пор ты больше не прикасаешься ко мне, господин! – повысила голос рабыня. – Ты не смотришь на меня, не прикасаешься, не пытаешься мною обладать! Почему? Что я делаю не так? Чем я обидела тебя, господин?

– Интересно, – не удержавшись от сарказма, шепотом поинтересовался ведун. – Если у торков невольницы ведут себя столь требовательно, то каковы же должны быть их жены?

– Тебе повезло, что ты об этом не знаешь, господин, – свистящим шепотом ответила Урсула.

– Тс-с! – приложил палец к губам Олег. – Слышишь?

Девушка замерла, насторожившись, закрутила головой...

– Нет, а что?

– Раз нет, значит, все в порядке. – Середин вытянул из кучи валежника палку, сломал ее пополам, потом еще раз и подкинул в огонь. – Пока ничего не слышно, можно спокойно отдыхать. Главное – не упустить то мгновение, когда появится посторонний звук. Ведь от этого зависит наша жизнь.

– Но там, на реке, где ты нырял за зеркалами, тебе не нужно было прислушиваться к кустам, господин!

– Там мы все были на виду, Урсула, – вздохнул Олег. – Нельзя же заниматься этим на виду! Это выглядит, как приглашение. Раз я так отдыхаю при всех, то это позволительно и прочим.

Невольница ошутимо вздрогнула. Похоже, подобный взгляд пронял ее глубоко и ошутимо.

– И все же ты не прикасаешься ко мне уже несколько дней, господин, – не отступала она. – Много дней, словно и не было нашей близости.

– Да ты никак помирать собралась, Урсула? – поворошил палкой угли ведун. – Каждый день, каждую ночь последней считаешь?

– Сам же ночь слушаешь, господин, – уже без прежней пылкости напомнила рабыня. – А ну, как завтра, али и вовсе сегодня нас истукан медный нагонит? Поубивает всех – и выйдет, что лишь единожды я ласки твои познала.

– Ты, знаешь, девочка, – улыбнулся Олег, – за последние три года меня пытались убить раз сто – получалось это раз десять, из которых два-три раза меня приканчивали точно и окончательно. Что, тем не менее, не мешает мне жить и поживать. Мыслю я, и в этот раз обойдется.

– А если нет?

– А хочешь, Урсула, поспорим? – предложил Олег. – Коли не удастся чудищу со мной управиться, то тебе любое мое желание исполнить придется, а коли справится, то я любое твое выполню. Согласна?

– Хорошо, господин, пусть будет так, – кивнула девочка. – Или я твое, или ты мое... Пстой, так нечестно! Если медный страж победит, то как ты мое желание исполнить сможешь? Тебя же убьют!

– Все, – рассмеявшись, отрезал Олег. – Пари есть пари. Ты на него согласилась.

– А если...

– Если он победит, тебе, Урсула, будет уже все равно. – Ведун вытянул руку, пригладил ее волосы. – Ты хорошая девушка, Урсула. Не может быть, чтобы судьба посмеялась над тобой и не позволила стать богатой и счастливой. Ты должна быть везучей, Урсула. Милостью богов твое везение спасет и нас всех. Спи, Урсула, спи. Не стоит так беспокоиться из-за мелочей, когда впереди почти вечность. Спи.

К его удивлению, невольница и вправду заснула. Места на лапнике были все заняты, а потому Середин прижал рабыню к себе и продолжал не торопясь гладить по голове, глядя на весело приплясывающий огонек и старательно вслушиваясь в звуки ночного леса.

Лишь когда над отрогами выползла луна, ведун растолкал холопа, уложил на его место обмякшее тело девушки, а сам вытянулся по другую сторону костра, не столько ища тепла, сколько просто радуясь уюту, растекающемуся от яркого огня.

Проснулся Олег от холода. И от криков. Любовод прижал холопа к стволу дерева и орал тому в самое лицо:

– Из-за тебя, выродок, нас сонными любой тать зарезать мог, зверь порвать, чудище колдовское порубить! Тебя чего ради караулить оставляли?! Чтобы спал ты, как сыч ночной, али чтобы покой общий караулил?!

– Заснул, что ли? – спросонок поинтересовался Середин.

– Да он, друже, – оглянулся купец, – и сам подрых, и других никого не разбудил!

– Хорошо, живы остались, – коротко подвел итог Олег, уселся, нащупал на поясе флягу, выдернул пробку и сделал несколько глотков. – Хорошо. Да только времени жалко. Давайте уходить. Чем дальше убежим, тем больше шансов выкрутиться.

– У-у, нежить, – напоследок замахнулся Любовод, но бить не стал, а вернулся к своим пожиткам, опоясался, хлебнул из фляги, отер усы: – А может, оставить его? Пользы никакой, токмо харчи переводит.

– Надо бы, – согласился Олег, поднявшись и тоже опоясываясь. – Но харчей у нас пока все равно нет. Так что пусть идет пока. Там посмотрим. При крайней нужде на мясо пустим.

Новгородец усмехнулся и спорить больше не стал. Холоп, с изрядным кровоподтеком под глазом, заметно побледнел, но тоже промолчал. Что, учитывая обстоятельства, было совсем неплохо. Еды у путников с собой не имелось, посему вопрос о завтраке тоже не стоял, и минуты через три люди уже двинулись в дальнейший путь.

Лес, с высоты отрога представлявшийся гладким зеленым простором, наделе оказался завален камнями самых разных размеров – от замшелых булыжников величиной с детскую голову до крупных гранитных валунов с трехэтажный дом. И если вторые можно было просто обойти, то на первых у людей то и дело соскальзывали ноги. Уже к полудню каждый из путников успел по паре раз подвернуть ступни, и теперь все хромали на обе ноги.

– Не могу больше, – оступившись в очередной раз, упал на трухлявый осиновый ствол Любовод. – Не могу. Пусть догоняет лучше. Исход един, а мучений меньше получится.

– Не сдавайся, друже, – присел рядом с ним Олег. – Пока борешься, всегда шанс на победу остается. Тот, кто сдается – проигрывает всегда.

– Откуда ей взяться, возможности-то сей, колдун? Нечто способен человек смертный с чудищем бессмертным, неуязвимым, побороться?

– Не колдун я, друже, – покачал головой Олег. – Ведун. Ведаю кое-что, простому люду не известное. Идем, Любовод, идем. Ну, подумай: коли ты тут чашу смертную испьешь – что с зеркалами нашими будет? Другой кто-то рано или поздно найдет. Продаст твой товар за звонкое серебро, пить-гулять станет на твое богатство. А тебя, сгинувшего, и не вспомнит.

– Топить его надобно было! – оттолкнув ведуна, рывком поднялся купец. – Коли нам не достанется, так и прочим бы

в руки не давалось!

– Идем, чего встал? – подтолкнул вперед Будуту Середин. – Шагай, солнце еще высоко.

Однако было ясно, что надолго людей уже не хватит. Не та дорога, чтобы трусцой по ней нестись. Да и бежать от стража Раджафа некуда. Все равно рано или поздно догонит. По реке сплавляясь, шанс уйти от него был. Пешему – ни единого. Нужно решаться на схватку. И делать это сейчас, пока никто ноги себе не сломал или еще чего не повредил. Вот только местность для этого крайне неудачная. Валуны, каменная крошка. Земля встречается лишь на небольших прогалинках между скальными выступами. Как, из чего лес вокруг растет – уму непостижимо.

– Проклятье! – Любовод свалился снова, схватился за ногу, лицо его скривилось от боли. – Проклятье Чернобогово на моей голове! Не могу больше, не хочу. Уходите.

– Как у тебя язык-то поворачивается! – опять присел рядом Олег, пощупал ногу. – Кость цела. Стало быть, страшного ничего не случилось. Идем!

– Не пойду, колдун, – покачал головой купец. – К чему мученья, коли конец един? Часом раньше, часом позже. Ты за меня не бойся, друже. Все там будем. На Калиновом мосту ныне же встретимся. А хочешь, я тебя и там обожду?

– Нет, Любовод, у реки Смородины ты меня дождешься не скоро, – выпрямляясь, вздохнул ведун, огляделся. – Ксандр, валун за соснами видишь?

– Который?

– Ну, бурый, мхом обросший. Сажени четыре в высоту.

– То же не валун, то скала будет...

– Да хоть обелиск, какая разница? Давай, помоги друга моего поднять, да к камню подвести. Будута, веревку не потерял? Урсула, а ты?

– Нет, господин, – провела девушка рукой себе по поясу.

– Отлично, тогда вперед. Давай, друже, на плечо мне обопришь.

– Какой же ты упрямый, колдун, – поморщился новгородец. – Не нужно мне плеча, сам дойду, коли недалеко. Но хоть там ты мне покоя дашь?

– Дам, дам. – Середин отпустил купца и пошел вперед. – Догоняй, все там отдохнем. Будута, веревку разматывай!

Взятый холопом конец имел в длину сажений шесть, может, чуть меньше. Олег привязал к нему веревку, снятую с девушки, удлинив примерно до десяти, небрежно приладил поднятый из-под ног камень, швырнул вверх. Первая же попытка принесла удачу – снаряд перелетел через валун, звонко цокнув обо что-то с той стороны.

– Отлично, держи, – отдал Олег конец веревки холопу. Сам обогнул гранитный монолит, без труда выпутал камень, отбросил в сторону, потом натянул веревку.

Послышался шорох, стук, испуганный женский визг. Ведун, ругнувшись, кинулся обратно:

– Что случилось?

Урсула указала себе под ноги. Там валялся почерневший от непогоды и ввевшейся в кость грязи человеческий череп.

– Он упал сверху, господин...

– Сверху? – Олег поднял голову, погладил гранитный отвес. – Многозначительное начало. Ладно, может, еще что интересное там найдется. Ксандр, давай тогда ты первым наверх забирайся. Осмотришься, остальным подняться поможешь. Друже, как твоя нога? Подняться сможешь?

– Э-э, на мачту в бурю лазил, а уж тут... – обиделся купец.

– Тогда мы с Будутой с той стороны конец придержим. А то вы каждый, как мы двое, весите. Потом Урсула.

– Понятно, – кивнул кормчий, поворачивая пояс так, чтобы меч болтался позади, и взялся за веревку.

Середин с холопом обогнули валун, натянули конец с другой стороны. Вскоре он задергался в такт рывкам поднимающегося Коршунова. Небольшая передышка, и веревка задергалась снова, потом еще раз.

– Урсула, ты наверху?

– Да, господин!

– Давай теперь ты, – послал Будуту ведун.

Тот кивнул, убежал за камень. Веревка натянулась, задержалась. Ослабла.

– Залез? Ксандр, теперь ты держи.

Олег рванул конец, убеждаясь, что он не проскользнет под нагрузкой, потом подпрыгнул, упершись ногами в стену Перебирать руками не пришлось – веревка сама устремилась

наверх, и через несколько секунд он ступил на почти плоскую вершину валуна. Кормчий, полностью вытянув веревку, привычными движениями смотал конец в бухту, бросил на камень и посторонился:

– Ты их искал, колдун?

Посередине площадки, раскинувшись, словно загорая, лежали два человеческих костяка. Лежали, похоже, очень давно. Никаких следов одежды не осталось. Чахлая травка, вылезающая из зеленого влажного мха, проросла между ребрами, да и мох успел высоко подняться на кости, почти полностью скрыв ноги и руки.

– Вот тебе и дикие места... – пробормотал Олег. Его внимание привлекла черная палочка длиной в ладонь, впившаяся изнутри в ребро одного из скелетов. Ведун осторожно просунул руку снизу, через бывшую грудину, потянул палочку к себе. Костяк легонько зашелестел, словно сползающая со стола бумага, и рассыпался, оставив в ладони Середина холодную стрелку, остро заточенную с одной стороны и имеющую небольшую прорезь с другой.

– Что это? – придвинулся купец.

– Обсидиан, – зачесал в затылке ведун. – Ну-ка, давайте еще пошарим.

Разворошив мох, они нашли еще три такие же стрелки под другим скелетом, а также множество черных стеклянных осколков. Один из них сохранил в своей прорези полусгнившую деревянную пластинку.

– Оперение... – ошеломленно пробормотал Олег, приложив осколок к комельку уцелевшей стрелы.

– Как же ими стреляли? – не понял Ксандр. – Они же хрупкие, что глина. Для лука коротки, в самостреле рассыплются при выстреле-то.

– В самостреле их тетивой, само собой, расколет, – согласился ведун. – А вот коли с высоты большой сбросить, то разгонятся не хуже камня из пращи. О камни или дерево, конечно, разобьются. А вот в тело человеческое войдут. Оно ведь, Ксандр, мягкое. Его и стеклом порезать не трудно.

– Сказывали купцы греческие, – вспомнил Любовод, – в морях их острова есть, на коих птицы живут с крыльями бронзовыми, а перья из меди растут. Коли корабль близко к тем островам подплывает, перья свои птицы сии с высоты на моряков бросают. А как всех побьют до смерти, то спускаются и насыщаются мясом теплым.

– И голоса у птиц этих сладкие, что мед, – кивнул Середин. – Я про пичуг этих тоже слыхивал, сиренами их кличут. Правда, здешние стрелы не совсем медные. Но идея явно отсюда в Элладу приехала. Интересное, однако, открытие...

Он поднял глаза к небу, прикрыв от солнца глаза ладонью, словно ожидал увидеть голубей с каменными крыльями и обсидиановыми перышками, отмахнулся:

– Времени заполдень уже. Коли не ошибаюсь, седьмой день сегодня идет?

– А вроде как шестой, – негромко усомнился кормчий.

– Тогда еще поживем, – усмехнулся Середин. – Ну что, бедолаги. Надеюсь, путь ваш через Калинов мост был простым и быстрым, никто вам пути не преграждал, за грехи прежние расплаты не требовал. Так и вы на нас зла не держите. Мертвым – мертвое, живым – живое.

Он вздохнул и осторожно подтолкнул скелеты к самому краю площадки. Ксандр перекрестился:

– Имени, жаль, не знаю. Поминальной молитвы не прочитывать.

– Как вернешься, службу заупокойную закажешь, – утешил его ведун.

– А вернемся ли?

Олег промолчал, вытянувшись на жестком камне. У него тоже изрядно болели истоптанные, многократно вывихнутые ноги. Что бы там друзья торговые про его бродяжничество ни сказывали, но скитался-то он не пешком, верхом катался. А потому и от долгих пеших прогулок отвык.

– Дров для костра надо было припасти, – уселся рядом Любовод. – Тоскливо без очага на отдыхе.

– Зачем лишняя морока? – пожал плечами ведун. – Камень и так теплый, а готовить нам нечего. Сегодня я еще потерплю, а завтра придется кого-нибудь за грибами посылать...

– А почто за грибами? – встрепенулся Будута. – Нетути тут грибов! Камни одни кругом! Завесь путь ни единого не встретил!

– Значит, на охоту отправишься, – решил купец.

– Какая охота, боярин? – затряс Олега за ногу холоп. – У нас ни луков, ни коней, ни рогатин нету...

– Никак идет кто-то? – повернулась назад, к отрогу, Урсула.

Все мгновенно замолчали. В наступившей тишине стало слышно мерное поскрипывание.

– Да то деревья от ветра хрустят, – нервно хихикнул Будута.

Словно в ответ, застучали, перекатываясь, камешки, что-то жалобно затрещало, секундой позднее – снова.

– Идет... – только и смогла выдавить из себя девушка.

Опять треснули, раскалываясь под огромной тяжестью, мелкие камушки, меж чахлых сосен, кое-как зацепившихся за здешний негостеприимный грунт, мелькнуло красноватым отливом нечто золоченое, тут же скрылось за скальным уступом, появилось снова. Еще несколько шагов, и из-под крон к валуну вышел страж Раджафа – воин, полностью выкованный из красновато-золотистой бронзы, ростом немного выше человеческого, непропорционально широкий в плечах. В его не знающей усталости длани был зажат меч размером с двуручный, вместо глаз из-под медной личины смотрела бездонная мертвая чернота.

Страж остановился перед гладкой стеной валуна, провел по ней левой ладонью, словно хотел убедиться – действительно ли перед ним непреодолимый гранитный моно-

лит. Повернул, обошел убежище путников по кругу. В том месте, где наверх поднимался Середин, опять потрогал камень. Двинулся дальше. Дважды обогнув валун, медный воин вскинул голову, затем вернул ее в обычное положение, глядя прямо перед собой, перехватил рукоять меча обеими руками, вскинув лезвие вверх перед лицом, и замер недвижимо, даже не сделав попытки подняться.

– Ну вот, так я и думал, – облегченно перевел дух Олег и нащупал головку засунутого за ремень молотка. – Он не смог подняться по отвесной стене.

– И что теперь делать, колдун?

– Отдыхать, друже, – сладко зевнул Середин. – Ты же сам просил покоя и отдыха!

– А как же страж?

– Он будет ждать. – Ведун вытянулся, заложил руки за голову. – Алгоритм простой: если в убежище жертвы не удастся проникнуть, нужно просто ждать. Страж мертвый, он может ждать вечно. Жертвы живые, они хотят есть и пить. Им тоскливо взаперти. Рано или поздно им понадобится покинуть свое укрытие. И тогда воин исполнит свой приговор. Он чувствует, что мы здесь, что попали в ловушку. Ему все равно, когда он нас убьет – через минуту или через год. Так к чему лишняя трата сил?

– Ты так легко об этом говоришь!

– А чего беспокоиться, друже? – пожал плечами Середин. – Здесь мы в безопасности. Зачем вступать в трудный

поединок уставшими, если можно спокойно отдохнуть?

— А ты справишься с ним, колдун? — Подойдя к краю валуна, купец взглянул на магического защитника правопорядка. — Опосля, когда отдохнешь?

— Не знаю, друже. Но я попробую.

— Отчего же в прошлый раз не пробовал? — оглянулся на него Любовод. — Тогда, в лесу, когда он нас нагнал и моряков моих порубал?

— Ты знаешь, друже... — Олег немного помолчал, прикидывая, как лучше объяснить. — Ты знаешь, когда тебя рубят мечом, это не самое удобное время, чтобы творить ритуалы и читать заклинания. Опять же, сразу всего нужного и не вспомнишь, да и предметы для обряда еще найти надобно.

— А ныне готов ты для обряда своего? Управишься?

— Я попробую, — повторил Олег. — Ежели мне кто-нибудь поможет...

— Какая подмога тебе от нас потребна, колдун?

— Простая... Но трудная... — Олег, вздохнув, поднялся и сел, обхватив колени. — Для ритуала мне понадобится время. Немного спокойного времени для выполнения тайного действия и произнесения слов. Значит, на это время кто-то должен истукана отвлечь.

— Как? — Купец все еще стоял над медным стражем. — Этакое чудище прихлопнет, как муху, слова сказать не успеешь. Вон, и не смотрит на меня, не шелохнется даже.

— Ходит он медленно, Любовод. Нагоняет не скоростью, а

неутомимостью. Не ест, не пьет, не спит. Только идет, идет, идет. Ничто живое так не умеет. Рано или поздно свалится. Но на малых расстояниях от него убежать не трудно. Если кто-то прыгнет с этой стороны и побежит прочь, то истукан погонится за ним. Человек пробежит по большому кругу и вернется. Ему сбросят веревку и поднимут назад. А я тем временем прыгну с другой стороны и, прежде чем медный воин вернется, успею совершить обряд.

– Я никуда не полезу!! – взвизгнул Будута. – Нет, не полезу! Не хочу к истукану! Не пойду. Не по-ойду-у-у!!! – Холоп попятился от спутников на самый край валуна и только чудом не свалился вниз. – Почему меня? Меня почто? Я тоже живой! Я тоже жить хочу! Я не пойду к нему!!!

– Одному мне не справиться... – вздохнул Олег. – Никак.

– Я помогу тебе, господин! – вскинула острый носик Урсула. – Я уведу чудище, а ты меня опосля спасешь!

– Куды девке по лесу бегать? – крикнул кормчий. – Ноги коротки, да дыхалка хилая. Я его уведу, колдун. Мыслю, на пару верст меня хватит. – Ксаидр расстегнул пояс, кинул на камень: – Все едино, коли нагонит, пользы от меча никакой. Вы токмо, как вертаться стану, веревку зараз кидайте и назад со мной тяните. Бо самому взбираться медленно.

– Сейчас, что ли, собрался? – Ведун опять глянул на небо. – Хотя полдень миновал недавно. Отчего и не сегодня? Олег вытянул молоток, достал из поясной сумки гвозди, а ремень с саблей опустил рядом с мечом. Ксандр был прав:

коли заговор не поможет, сабля от чудища уже не спасет.

– А гвозди-то тебе зачем, колдун? – заинтересовался купец.

– Долго объяснять, друже, – отмахнулся Олег. – Пока все перескажешь, и азарт весь пройдет. Так что скажешь, Александр? Идем?

– Идем, колдун... – Подойдя к краю валуна с противоположной от стража стороны, кормчий широко перекрестился, опустил на корточки и ловко спрыгнул.

Тут же внизу захрустели придавливаемые медными ногами камушки.

– Беги, младший, беги! – крикнул Любовод, перебегая площадку.

Несколько долгих мгновений казалось, что кормчий пропал – но потом мимо рябинки промелькнула его спина, и белое пятно рубашки стало удаляться в западном направлении. Следом тяжело зашагал медный монстр.

– Не догонит, – облегченно выдохнул Будута. – Не, не потянет. Куда ему супротив наших? Что барашку за скакуном мчаться.

– Следующим ты побежишь, – пообещал Любовод, и холоп тут же осекся.

Уже через полминуты сверкающая спина стража скрылась среди стволов и ветвей. Ведун вздохнул, отошел на другой край валуна, присел, закрыл глаза, сосредотачиваясь и вспоминая нужные слова.

– Может, не надо, господин? – жалобно спросила невольница.

Олег не ответил, чуть качнулся вперед, заскользил вниз и через мгновение мягко приземлился на ноги. Тут же двинулся в сторону отрога, внимательно вглядываясь в землю. Камни, камни, крошка, пыль, песок. Вот показался пяточок черной земли, выстеленный множеством коричневых прошлогодних березовых листьев. На нем сохранились два отпечатка сапог. Судя по размеру – Ксандра или Любовода.

– Проклятье... – невольно вырвалось у Середина. – А страж, что, по воздуху летел?

Дальше опять начинались покрытые мхом каменистые россыпи. На тех местах, куда ступала нога человека или истукана, мох оказался смят, а то и содран – но пользы от такого знания ведуну не было.

Олег ускорил шаг, торопясь к очередной земляной проплешине, что вся заросла усыпанной красными кисточками смородиной... Нет, ничего. Люди, не желая продираться через ветки, обогнули земляной участок по плотно слежавшимся валунам, медный воин, похоже, прошел там же.

– Господин!!! – разорвал мерные лесные шорохи девичий крик. – Господин, он возвращается!

– Электрическая сила... – Ведун перешел на бег трусцой, стреляя глазами по сторонам.

Камни, камни... слежавшийся песчаник, каменная крошка. Земля... Никаких следов! Разве они проходили не здесь?

Неужели он что-то перепутал, заблудился?

Времени на колебания не оставалось, и потому Олег продолжал трусить в том же направлении, по пути, что они преодолели сегодня днем.

Вот опять продолговатая низинка меж камней, в которой скопилось изрядное количество перегноя. Здесь успели обосноваться две могучие сосны и пара чахлых из-за нехватки света березок.

– Есть!

Да, именно здесь, по мягкой земле, прошли путники, слегка перемешав верхний слой. Но поверх этой тропки виднелись широкие и глубокие отпечатки многократно более тяжелого существа.

– Господи-и-и-ин!!! Он за тобой!!! Он идет за тобо-о-ой... – послышался издалека предупреждающий крик.

– Пусть идет...

Ведун опустился на колени возле глубокого отпечатка, расчистил его от опавшей листвы, содрал через голову рубаху, откинул в сторону. Зачерпнул горсть земли, сыпанул немного себе на голову, обтерся частью по груди, под мышками, по плечам, поклонился, ткнувшись лбом во влажный перегной:

– Тебя зову, матушка Триглава, к тебе словом, Душой и мольбой своей кланяюсь. Из тебя мы все выходим, в тебя уходим, милостью твоей питаемся, по тебе же и ступаем, и спим на тебе, и дома свои на тебе ставим...

За спиной хрустнула ветка. Застучали, пересыпаясь, камушки.

– Ты, Триглава, опора и жизнь наша, тебя, ровно мать свою и отца, чтим... – Ведун снова поклонился, просыпал перемешанную со своим потом землю вокруг расчищенного следа: – Дай мне, сыну своему, милость малую. Удержи странника, след сей оставившего, на себе до скончания века. Не дай ему ни в небо унестись, ни в пропасть скатиться, ни в омуте утонуть, ни в гору подняться...

Шаги позади приближались, Середин слышал уже не отдельные потрескивания сминаемой поросли, а каждое касание к камням тяжелых медных ступней.

– Держи его, Триглава, на себе волею своей и моим словом. И след его держи, с места не выпусти! – Ведун перехватил в пальцы один из квадратных кованых гвоздей с обратными зазубринами, поставил его в середину глубокого следа и одним ударом молотка вогнал по самую шляпку. Замер, ожидая продолжения и невольно втянув голову в плечи.

Ничего не происходило.

Тогда Олег медленно повернулся назад. Страж Раджафа возвышался шагах в пятнадцати, за двумя молодыми березками, что навалились друг на друга, словно обнимаясь. Медный воин пытался оторвать от земли левую ногу.

– Вернись домой, Триглава, в твою честь в первой же деревне всех от мала до велика хлебом накормлю и пивом напою вдосталь. Весь день пировать станут и здравицы тебе

кричать, – поклялся ведун и на коленях переполз к следующему следу.

Расчистил, зачерпнул земли, обтерся, произнес молитвенное заклинание и прибил к земле след второй ноги чудища. Имея дело с такими врагами – лучше перестраховаться. Затем Олег собрал старую опавшую листву, замаскировал замороженный след – а то ведь найти кто-нибудь сможет да монстра освободить. Разворошил, сравнивая с землей, остальные следы и облегченно поднялся. Оглянулся на беспомощно замершего медного воина: – Извини, брат, так получилось. Быть бессмертным и неуязвимым неплохо... Но вот только все порождения магии куда чувствительнее к колдовству, нежели обычные существа. Теперь тебе придется постоять здесь. Не очень долго. Всего одну маленькую вечность. Истукан не шелохнулся, ничего не ответил и вообще никак не отреагировал на слова, словно и не слышал. А может быть, и вправду не слышал: общаться с жертвами для палача совсем не обязательно. Так зачем Ражафу наделять его таким даром?

– И все равно – прощай, – кивнул ему напоследок Олег и, обойдя опасного врага по широкой дуге, направился к валуну.

Смолевники

– Эй, наверху! – подойдя к валуну, постучал по нему ладонью ведун. – Все целы?

– А то! – довольно отозвался кормчий. – Токмо язык на плече. А ты как, колдун?

– С виду вроде как цел.

– Веревку кидать?

– Коли костра разводить не хотите, то кидай. А коли погреться у огня намерены, то сами прыгайте.

– А чудище где? – поинтересовался Будута.

– А здесь где-то, – усмехнулся Середин. – Слезай, поищешь...

Послышался шорох, бряканье, вниз спрыгнул Любовод, следом кормчий. Спустя несколько мгновений, шелестя шароварами по гладкому камню, на землю соскочила Урсула, протянула хозяину пояс с саблей.

– Спасибо, девочка моя. – С оружием ведун сразу почувствовал себя бодрее. – Так что, мужики, дальше двинемся, али все-таки тут на ночлег встанем?

– Ужели одолел ты истукана бессмертного, колдун? – переспросил Любовод.

– Одолеть не одолел, – признался Середин, – но в трех соснах заблудил. Так что вы в ту сторону лучше не гуляйте. Как бы опять на волю не выпустить...

– И не погонится он за нами более?

– Нет, не погонится. – Ведун не удержался и расплылся в довольной улыбке. – Но за то дело я Триглаве обещал в ее честь по возвращении пир устроить и в первой встреченной деревне всех накормить досыта и напоить допьяна.

– Ну, так это я подсоблю, – с готовностью согласился купец. – Мы люди честные. Коли кто к нам с добром, то и мы со всей щедростью отквитаемся. А уж Триглаве, матушке нашей...

Любовод опустил было руку, чтобы зачерпнуть землю – но под ногами валялись только мелкие камушки.

Наверху опять послышался шорох, посыпалась пыль.

– Эй, Будута! Коли прыгивать собрался, то веревку взять не забудь! – предупредил Олег. – А то как мы потом назад поднимемся?

– Нечто я совсем дурной, боярин? – Мимо промелькнули ноги холопа, Будута громко шлепнулся подошвами, но устоял и гордо продемонстрировал бесформенный тюк. – Усе понимаю. Вот она, веревка!

– Смотай пока, еще пригодится, – распорядился ведун. – Так что, мужики, дальше пойдем? До заката еще часа четыре будет.

– Который день с пустым брюхом убегаем, колдун, – погладил себя по животу купец. – Может, сперва харча какого наворожишь?

– Говорил я, утром нужно со стражем справляться, –

хмыкнул Середин. – Пока медное чучело рядом бродило, на голод никто отчего-то не жаловался.

– Я, колдун, пока бегал, вроде как выводок кабанов спугнул, – махнул в северном направлении кормчий. – Хрюкал кто-то и ломился. Токмо мне тогда не до любопытства было...

– А как же мы его добудем, вепря-то? – подал голос Будута. – У нас ни луков, ни рогатин нет. Да и не подпустят на копейный удар кабаны.

Олег и Ксандр переглянулись, одновременно снисходительно покачали головами:

– Вот она, холопья жизнь-то! – отметил ведун. – Привыкли на всем готовом у князя харчеваться, не знают, как зверя в лесу взять. Веревку смотал, умник?

Путники отрезали от конца три куска в сажень длиной, распустили их на пряди. Получилось почти сорок отрезков тонкой, но еще достаточно прочной нити. Работы – на полчаса.

– Ну, – закончив вязать, закинул на плечо пучок нитей Любовод. – Показывай, где тут у тебя поросята хрюкали?

Путники двинулись за кормчим через низкие заросли молодых березок и рябины, перевалили небольшой взгорок, сложенный из плотно подогнанных камней – а может, скального массива, растрескавшегося от солнца и ветра. Дальше дорога пошла вниз, по черной, сальной земле, из которой так и перли орешники, клены, липы и осины. Пройдя с полвер-

сты, Ксандр остановился, указал вперед:

– Гляньте, что это там растет?

– Вроде как дубы высятся, – прищурился купец. – Мыслю я, коли хрюшки сюда и бегают, то именно к ним.

– Вот и я так решил, – кивнул кормчий. – Тогда место сие стороной обойти надобно, дабы не спугнуть зверье раньше времени.

Путники повернули вправо и, не теряя могучие кроны из вида, обогнули их, зайдя с северной стороны.

– А вот и тропа звериная... – указал Ксандр на пробитый среди смородиновых кустов ход. – Значится, отсель и начнем.

Поставить силки – дело несложное. Обычная веревочная петля, развешанная на ветвях на высоте немногим ниже колена, да концом привязанная к любой крепкой ветке или корню кустарника. Вешали снасти в пять рук, а потому управились всего за четверть часа. Четыре петли путники поставили на самой тропе, остальные – в кустах по сторонам от нее, закрывая все пригодные для прохода лазы. А затем так же тихо отступили по дуге назад, к югу от дубравника. Выбрав место для начала охоты, люди разошлись друг от друга шагов на сто – не то чтобы далеко, но и не близко, оставшись на грани видимости в редком лесу, что поднялся на каменистой земле.

Первым взвыл по-волчьи Ксандр, после чего все дружно двинулись к дубам, воя, гавкая, просто крича и стуча подо-

бранными палками по стволам деревьев. Неспешный путь по прямой занял заметно меньше получаса. Когда путники подошли к силкам, то обнаружили, что из четырех десятков ловушек добыча попалась всего в две. Правда, это были не кабанчики, а всего лишь олени – глупые подростки немногим больше пуда в каждом. Однако на пятерых, даже голодных, людей – очень даже неплохо.

Силки, разумеется, снимать никто не стал. С добычей путники вернулись к валуну и в уже надвигающихся сумерках запалили костер. Несчитанное количество валежника, мяса вдосталь, да соль, перемешанная с перцем, в сумке чуть ли не у каждого – что еще нужно человеку для счастья?

Первого оленя оприходовали довольно быстро, разделав на ломти и зажарив на углях. Второго, освежевав, насадили на ореховый вертел, повесили над слабо тлеющим костром и, уже не спеша, стали пропекать целиком.

– Ну что? – поинтересовался Олег. – Завтра дальше двинемся, али пару деньков отдохнем, пока все спокойно?

– Куда дальше-то? – не понял Любовод.

– Ну, на север, до ближайшей реки, – напомнил о первоначальных планах ведун.

– А сундуки как же – на себе нести? По неведомым путям, неведомо сколько ден?

– Какие сундуки?

– Как какие, колдун? С зеркалами!

– А-а, – вспомнил Середин, объедая пусть недожаренный,

но щедро посоланный окорок. – С теми, что на берегу схоронены? А ты чего предлагаешь, друже?

Еще плот свяжем, – процедил купец, обсасывая тонкие ребрышки. – Свяжем, загрузим, да и дальше поплывем.

– А коли лучники нас опять ссадят?

– А че нам лучники, коли стража медного ты уже укротил? С одного сгонят, другой свяжем. Вережки есть, а зеркала любую цену отобьют, это я тебе удачей клянусь!

– Не клянись. Стрелки нас у каждой излучины с плота сгонять могут. Сундуки каждый раз спасать придется, а это вопрос удачи, не к ночи будь помянута. Да и замучимся у каждой излучины новый плот вязать, никаких веревок не хватит. Не проще ли будет взять их и на север унести. Не очень удобно, но мороки все едино меньше.

– А знаешь ли ты, колдун, сколько верст нам топать придется? Может статься, тут уж не на месяцы, а на годы счет пойдет!

– На годы не пойдет, – крутанул головой Середин. – Мы же не за океаны уплыли! Земли тут все близкие, за год всяко обернемся.

– Дались вам эти плоты, други, – неожиданно вмешался в разговор кормчий. – Рази плот – это судно для пути дальнего? Вот ладья – это судно! На ней ни лучники не страшны, ни ветер с непогодой, ни течение встречное.

– Да нет у нас ладьи, Ксандр, – громко хмыкнул Любодов. – Ужели не заметил?

– От лучников завсегда али щитами завеситься можно, – невозмутимо продолжал кормчий, – али за борт укрыться. С парусом и по морю идти легко, ничего не боясь, да и вверх по реке, коли повезет, до Руси проскочим.

– Нет у нас лады! – повысил голос купец. – Нетути! О сем и речь!

– Ладей нет, – пожал плечами Ксандр, – а стругов на реке мы заметили изрядно. Коли страж медный их более не стережет, так отчего не взять хоть один? Властители здешние нас двух ладей с товаром лишили. Почему же нам в уплату за се один струг ради возвращения к родному причалу не забрать? Чего нам опасаться, хозяин?

– А ведь верно, колдун... – после короткого размышления решил Любовод. – Отчего на струге не вернуться? И зеркала заберем, и по морю Хазарскому от здешней реки до Волги легко дойдем. А милостью Похвиста – так и по самой реке к дому поднимемся, ни на чью милость не полагаясь...

– Может, все же пешком на север?

– В ногах правды нет, колдун! – тут же отреагировал купец.

– На севере места неведомые, – сходу поддержал кормчий, – а здешнюю реку мы ужо проведали. Попей и уходить надобно, коли спастись желаем.

– Ладно, пусть так, – отступил Середин. – Но где вы струг-то возьмете? Здесь поблизости на реке ни единого города не стоит!

– Дык, проще до ближнего города налегке подняться, – встрял в разговор холоп, – а потом на струг товар погрузить, нежели с товаром в руках завсегда бегать. Тяжелы сундуки-то, однако. Я уж отпробовал...

– Нечто у тебя серебра в избытке, чтобы струги тут покупать?

Мужчины в ответ многозначительно промолчали, глядя по сторонам.

– Нехорошо, вообще-то, грабежом промышлять, – оказавшись в меньшинстве, неуверенно предположил Середин.

– Две ладьи с товаром они у меня утопили, – напомнил Любовод. – Так что же, я теперь простой лодки взамен взять не могу? Опять же, колдун, истукана медного нам более бояться ни к чему. Так отчего не взять?

– Классная философия. Если сосед не может дать в морду, то отчего бы не забрать у него корову?

– Особливо, коли за день до этого сосед у тебя трех коней зарезал, – ввернул кормчий.

Ведун вздохнул, глядя на запекающуюся тушку. С одной стороны, откровенный грабеж всячески претил его совести. С другой... С другой стороны, ожидал их пеший путь через неведомые земли, что вполне могут оказаться непроходимыми, так что драгоценный товар придется бросить из-за его, в общем-то, и не такого большого веса. Вернуться по воде, знакомым путем, своим ходом, да еще и с прибылью, было куда соблазнительнее. К тому же, кровь уже пролилась. А

там, где разговор ведут мечи, действуют совсем другие законы...

— Ладно, — кивнул Олег. — Пойдем к городу, разживемся каким-нибудь плавсредством.

— От и верно, друже! — обрадовался Любовод. — Чего таращишься, холоп? Снимай с огня снедь. За сегодня я уже подкрепился, теперь за вчера и позавчера поесть надобно!

* * *

Утром путники отправились снимать силки и обнаружили в них двух среднего размера оленей и отчаянно визжащего темно-темно-коричневого поросенка, ухитрившегося затянуть петлю задней ногой. Порося в наказание за невезение немедленно предали смертной казни, отправив запекаться целиком в тут же разведенном костре, одну из оленей отпустили — мяса на первое время и так хватало, — другую освежевали. Она все равно успела задохнуться.

Подкрепившись, люди двинулись в путь. Дабы не напороться на лучников, решили прямо к реке не выходить, а сперва подняться вверх по течению верст на десять. Теперь, когда по пятам не гнался медный мститель, дорога казалась вполне удобной — не такой уж холмистой, не такой уж и каменной. Иди себе спокойно, да смородину красную с кустов срывай. С двумя привалами на отдых и еду, за день удалось одолеть все двадцать верст, а потому к реке решили по-

ка не поворачивать. Тем более что по пути им встретились два ручейка, и свежая вода имела в достатке. Однако на второй день река сама вышла к людям: после того, как они миновали очередной каменистый, поросший редкими соснами взгорок, впереди открылась широкая сверкающая лента.

До вечера путники двигались вдоль берега, поглядывая на другую сторону: а ну, опять дозор воинский встретится? Но когда река снова отвернула к югу, люди пошли прямо и поставили силки возле попавшегося на пути орешника – здесь свинята тоже должны любить кормиться. И опять вместо кабанчиков в петли попались две лани и молодой заяц. Отказываться от такой добычи никто, разумеется, не стал. Как известно, лучший способ сохранить продукты – это сложить их в живот. Поэтому, наевшись до отвала вечером и утром, с собой люди взяли только половину оленьей тушки, подсоленную и хорошенько пропеченную. Еще один переход – и река вновь вернулась к их ногам.

– Так и просится, чтобы по ней поплыли, – оглянулся на ведуна Любовод. – Глянь, как ластится.

– Просит – значит, поплывем, – пожал плечами Олег. – Интересно, сколько нам еще до ближайшего города топать? А, кормчий?

– Мыслию, еще неделю, а то и более. Земля – не море. Никогда не угадаешь, каков путь окажется.

В этот раз осмелевшие путники развели огонь прямо на берегу, на дне выходящей к воде лощинки между скалами.

И ничего – никто не появился разузнать, что за люди бродят, никто мимо ни разу не проплыл.

Утром, прикончив остатки оленины, они пошли дальше, но вскоре после полудня остановились ради охоты – слева за холмами Урсула заметила дубовые кроны. В этот раз боги оказались милостивы к детям своим, и в силки, запутавшись сразу в двух близко поставленных петлях, попала настоящая упитанная хавронья пудов пяти веса. Естественно, на разделку, приготовление и копчение добычи ушел остаток дня – зато последующие двое суток проблем с едой уже не было. Правда, третий переход пришлось начинать на пустой желудок. Сотоварищи уже подумывали о новой остановке для охоты, когда в минуту безветрия до их слуха донеслись человеческие голоса.

– Ужели дошли? – не поверил Ксандр. – Ведь болота большого еще не миновали, в котором вы стража пытались утопить.

– Может, рыбаки какие заплыли... – Олег проверил, как выходит сабля из ножен. Не то чтобы рубиться собрался, но так, на всякий случай. Ведь несколько дней по камням стучал, а не вынимал ни разу. Мало ли погнуло, прижало где?

– Рыбаки – это хорошо, – восторженно воскликнул купец и тоже проверил, не заклинил ли меч. – Интересно, на лодке или баркасе каком?

Осторожно ступая, путники двинулись на звук и вскоре с высоты обрывистого скального берега увидели на реке два

стоящих бок о бок судна. Не таких больших, как ладьи – всего метра три в ширину и около семи в длину, с высоко задранными носом и кормой, болтающимся сбоку рулевым веслом, четырьмя рядами скамей для гребцов и складной мачтой, уложенной сейчас вперед вдоль корпуса. Команды отдыхали – часть дрызгалась в воде, часть занималась чем-то на берегу возле костра.

– На ловца и зверь бежит, – тихо отметил Ксандр.

– Они ведь меня грабят... – изумленно пробормотал Любовод. – Они у меня товар воруют. Тати! Разбойники! Ты глянь, глянь, колдун. Это ты за них, татей бессовестных, заступался?

Только после слов купца Середин сообразил, что купаются мужчины внизу не просто так, а целенаправленно ныряют в одном и том же месте, что на берегу разложены для просушки клинки мечей, кинжалы с узорчатыми рукоятями, копейные наконечники, чеканные умбоны для щитов. Разглядел и зажатый между камнями кончик мачты. Судя по всему, команды стоящих у берега лодок умело опустошали трюмы утонувшей новгородской ладьи.

– Ну, я им сейчас... – схватился за оружие Любовод. – Будут знать, как на чужое добро лапы свои грязные накладывать.

– Обожди, – посоветовал Середин. – Сейчас не нужно. Потерпи до вечера. На ночь они оружие под росой не оставят, в трюмы попрячут. Куда еще? Амбаров ведь на берегу нет.

Вот мы лодку вместе с твоим товаром сразу и заберем.

– И то верно, – согласился купец. – Токмо на тот берег поперва перебраться надобно.

– Вот этим для начала и займемся.

По вполне понятным причинам, рубить для плотика деревце путники не стали. Пришлось идти вверх по течению в поисках подходящего валежника. Связав вместе несколько найденных толстых ветвей, путники сложили на получившееся корявое сооружение свое оружие, вошли в реку и поплыли, придерживаясь за выступающие концы сучьев. А затем, отойдя в лес, расположились на полянке, подсыхая на солнце и дожидаясь темноты.

Олег незаметно для себя успел погрузиться в сон, когда его плеча легонько коснулась рука. Он открыл глаза и увидел над собой Ксандра, прижимающего палец к губам.

– Ты чего? – шепотом поинтересовался ведун.

– Опасаюсь, как бы ты спросонок не крикнул чего. Ночью звуки далеко разносятся...

В небе висела огромная яркая луна, так что заклинание на кошачий глаз Олегу не понадобилось – и так все было неплохо видно. Пройдя вдоль берега, они наткнулись на тропку, проломанную в кустарнике искателями подводных сокровищ, свернули на нее. Вскоре впереди показался костер, возле которого сидели три человека. Двое негромко разговаривали, третий копался в углях. То ли прокаливал что-то, то ли запекал. По сторонам, завернувшись в тряпки, спали

несколько товарищей. Но явно не все.

– Значит, остальные ночуют на лодках, – еле слышно сообщил ведун. – Что делать станем?

– Что замыслили, то и станем, – отозвался Любовод. – Жаль, без шума не получится. Но сие не ратники, урона причинить не смогут. Главное – в оставленной лодке днище зараз пробить, дабы в погоню не устремились. У них гребцов больше, не уйдем.

Мужчина, копавшийся в углях, привстал, уставился, как показалось, прямо Олегу в глаза, прислушался. Но налетел ветер, покачал ветки, зашуршал листьями, плеснул о борт лодки слабой волной. Человек успокоился, сел обратно. Ведун кивнул, и путники цепочкой двинулись вокруг лагеря к берегу.

Лодки стояли там же, где и днем – одна сидела днищем на отмели, вторая была принайтована к ней борт о борт. Возле сходней скучал местный с сулицей в руках. А может, в здешних землях этот огрызок считался полноценным копьём?

– Сходни – это хорошо, – тихо отметил Середин. – Без них не так просто заскочить внутрь будет. Ну что, мужики? Семи смертям не бывать, а одной не миновать. Пошли.

Прятаться на широкой вытоптанной прогалине смысла не имело. Олег выпрямился во весь рост и направился к судну.

– Вы кто такие? – широко зевнул, поднимаясь навстречу, караульный.

– Ксандр... – оглянулся на кормчего Олег. Парень кивнул,

шагнул к сонному караульному, резко выбросил вперед свой огромный кулак. Громко стукнули челюсти. Горе-охранник чуть подлетел вверх, повернулся горизонтально и так, плашмя, грохнулся обратно на песок.

– Нокаут... – Вслед за Любоводом ведун забежал на судно, поскакал по скамейкам к корме, перешагивая посапывающих моряков.

– Чего случилось? – заворочавшись, поднял голову один из них.

– Все в порядке, спи, – кивнул ему Олег и рубанул крепящие мачту снасти. Купец в это время старательно колотил мечом в днище, вырубая кусок доски.

Охотники за сокровищами заворочались, начали садиться, но со сна еще не понимали, что происходит. А путники уже перепрыгнули на вторую лодку, рубанули причальные канаты. Течение тут же потянуло судно к стремнине. Ксандр, ловко поддев раскинувшегося возле руля ныряльщика с размокшими красными ногами, выкинул его за борт и уселся на свое место, подправляя нос в сторону излучины.

– Что тут... – поднялся на корме другой моряк, но тут же получил оголовьем сабли в солнечное сплетение, сложился пополам, и ведун без особого труда столкнул его в воду.

На берегу только-только поднимался шум, охотники за сокровищами сгрудились на отмели, выкрикивая проклятия вслед «угонщикам», кто-то пытался столкнуть на воду оставшуюся лодку. Перед Олегом поднялся еще один моряк,

но, увидев обнаженный клинок, предпочел сам выпрыгнуть прочь.

На носу с громким воем кинулся на Любоведа какой-то парень с расплюснутым носом. Купец резко наклонился, уходя от удара веслом, выбросил вперед меч и пробил бедолагу насквозь. Остальные моряки, оценив решительность захватчиков, тут же попрыгали в стороны, подняв фонтаны брызг – и лодка осталась в полном распоряжении путников.

– Колдун, давай с Будутой на весла садись, – попросил кормчий. – Тяжело совсем без хода править. Хозяин, глянь там, как мачта поднимается. Может, милостью Господа парус поставить удастся.

– А мне чего делать? – поинтересовалась Урсула, зябко похлопывая себя по плечам.

– Пошарь по трюмам, че у нас тут есть по хозяйству...

– Ага.

Трюмами на суденышке можно было назвать только носовую и кормовую надстройки, и девушка решительно отодвинула щеколду передней дверцы. Заглянуть туда вместе с ней Середин не смог. Подобрал лежавшее на передней скамье весло, он сел на нее ближе к левому борту. Рядом в уключину правого борта просунул весло холоп.

– И-и... р-раз! – скомандовал Олег. – И-и... р-раз! Снаружи еле слышно зажурчала вода.

– Пошла, родимая... – кивнул кормчий, поправляя весло. – Хорошая лодка. Быстрая, послушная, верткая. На уш-

куй похожа. Жаль только, маленькая.

– И лучники в ней не страшны, – поддакнул холоп. – Голову пригнул и за борт спрятался. Доска, он, в три пальца. Коли дальше ста саженой, то ничем не пробить. Хошь луком, хошь рогачом.

– Здесь хлеб! – закричала невольница. – Лепешки! Совсем мягкие еще.

Пройдя по лодке, Урсула раздала каждому по хлебцу, похожему на толстый блин, с коричневыми пятнами на корочке, сама уселась позади рядом с Ксандром и принялась рвать добычу зубами.

– Сто лет лепешек не ела!

– А чего еще там есть? – поинтересовался кормчий, прежде чем откусить от своего хлебца.

– Корзина с яблоками сушеными, веревки два больших мотка, рубахи полотняные в другой корзине, да свертки из мешковины. На ощупь – клинки в них упрятаны, али мечи.

– Слыхал, хозяин?! – окликнул Любовода кормчий. – Нашли мы твое добро.

– Кабы все, – без особой радости откликнулся купец. – На эту лохань и трети добра из моего трюма не влезет.

– Да ладно тебе, друже, – крикнул через плечо ведун. – Хоть что-то спасли, и то дело. Ныне судно у нас есть. Зеркала с потайного места заберем, да и домой своим ходом возвратимся. Ты же сказывал, с них одних сам десять прибыток получится!

– С зеркал прибыльток, с мечей краденых убыток, – буркнул в ответ купец. – Прибыток – хорошо, но без убытка – лучше... Ксандр, тут узел скользкий и петля. Коли отпустить, мачта поднимется и ванты натянет. С твоей стороны тянуть надобно.

– Я не могу, хозяин. Излучина тут, камни у берега. Выскочим, коли без руля плыть.

– И-эх, все самому делать приходится... – Любовод, перебираясь через скамьи, пошел на корму, там порылся в собранных в пучок веревках, выбрал одну: – По-оберегись!

Купец начал перебирать канат – мачта совершенно по-человечески крякнула, поползла вверх. Лицо новгородца налилось краснотой:

– Ой, мама, кто же ее такую тяжелую сделал...

– Сейчас я... Я подсоблю! – подпрыгнула невольница.

– Петля... – натужно простонал Любовод. – Петля там под рукой... Крюк на носу... Зацепи...

– Ага! – Девушка нашла на веревке узел, дернула его вперед, наклонилась на носу, за что-то зацепила. – Готово!

– Уф... – бессильно упал на заднюю скамью купец, отер со лба пот. Отпер заднюю дверцу, заглянул. Через мгновение голос его повеселел: – И тут клинки лежат! Это добре. Стало быть, почитай, половину мы от татей спасли. Тут уж и вертаться не стыдно. Коли с погодой и временем успеем, тюркам можно продать. Они завсегда воюют с кем-то, наш булат с большой охотой берут. Где еще такой найдешь? Та-

ак, где тут парус?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.